

ДЕМ МИХАЙЛОВ

НИЗШИЙ-2

Низший

Дем Михайлов

Низший 2

«Автор»

2019

Михайлов Д.

Низший 2 / Д. Михайлов — «Автор», 2019 — (Низший)

Безымянный мир, где рождаешься уже взрослым и в долгах. Мир, где даже твои руки и ноги тебе не принадлежат, а являются собственностью бездушной системы. Безумно жестокий мир, где жизнь не стоит ни единого сола, где ты добровольно низший со стертой памятью, где за ошибки, долги и преступления тебя лишают конечности за конечностью, медленно превращая в беспомощного червя с человеческим лицом... Мир со стальными небом и землей, с узкими давящими стенами, складывающимися в бесконечный стальной лабиринт. Мир, где в торговых автоматах продают шизу и дубины, где за тобой охотятся кровожадные безголовые плуксы, а самая страшная участь - превратиться в откормленную свинью..

© Михайлов Д., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дем Михайлов

Низший – 2

Глава первая

– Лопнуть и сдохнуть! – процедил я недовольно, осторожно массируя подошвы и заодно прислушиваясь к ощущениям в голове.

Да ерунда. Ноги болят, а голова нет. Сразу понятно, чем именно я себе зарабатываю на жизнь. И все равно приятно, что нет даже намека на похмелье – вчера мы выпили по сто пятьдесят грамм крепчайшего самогона. И заранее не знали о качестве сего продукта – но бригада Соплей, они же Солнечное Пламя, не подвела, и самогон утреннего похмелья не подарил.

Текущее время: 05:50.

Я выполз из капсулы пять минут назад, беззвучно шипя и припадая на каждую ногу, добрался до теплого стенного выступа и, осматривая все тело, массируя и приводя в порядок конечности, прогонял в голове события прошлого дня. Потрачу на прогон воспоминаний и впечатлений пять минут. Следующие пять минут уделю проверке интерфейса и мыслям о начинающемся дне.

Спал я всего пять часов. Понезжить бы еще на не слишком мягком, но зато теплом ложе в безопасной капсуле. Но что-то разбудило меня раньше срока на десять минут, заставило выбраться в заполненный сквозняками коридор и усесться рядом с десятком храпящих орков-работяг. Им не досталось капсул, ночевать пришлось на скамейках. Даже часового выставили: вон он дрыхнет сидя, прислонившись к стене. Будь я его командиром – разбудил бы ударом шила.

Что выгнало меня из капсулы?

Это точно что-то из минувших событий. Что-то вчера мною упущенное, ушедшее, но затем тихонько вернувшееся и залезшее в мой сон. А свой сегодняшний сон я помню отчетливо – это был повтор посиделок в Веселом Плуксе. Точная копия реально произошедших событий, разве что мы пили не самогон, а красное вино. Поглощаемое же нами мясо было сырым, сочилось кровью, мы смеялись, вытирая окровавленные губы салфетками из татуированной человеческой кожи, за соседним столиком что-то праздновали черви, с урчанием лакая красное месиво из эмалированных мисок и поминутно протяжно рыгая...

Вот оно!

Продолжая массировать ступни, чуть выпрямился, прищурился. Вот оно.

Салфетки из татуированной кожи. Вернее – сами татуировки. Где-то здесь... что-то здесь... в этом месте зацепка. Поэтому татуированная мертвая кожа и всплыла в моем больше ничем не примечательном сне.

Вчера... За ужином... Мы выпили по второй стопке, вернулись к жадному поглощению жареного мяса. И в этот миг, прикрыв глаза от наслаждения, я жевал очередной кусок и... и что-то почувствовал. Нет. Я что-то увидел! Точно! Я опустил вилку, жадно жуя, повел глазами в проход, оценил покачивающуюся попку официантки – три из пяти – глянул чуть дальше, машинально оценил увиденное, но не придал значения. И отвел взгляд.

Точно!

Стоило вспомнить этот момент – и я сразу же вспомнил остальное.

Ничего особенного. Мелочи. Память услужливо начала подкидывать детали и мелочи. Перед глазами возникла отчетливейшая цветная картинка.

Я увидел соседнюю компанию. Нет, там не черви пировали. Там развалились вокруг невысокого столика орки и полурослики. Всего четыре мужика в возрасте где-то от тридцати

пяти до пятидесяти. Две девушки – они помладше, но платным украшением стола и постели не выглядят. Сидят по-хозяйски, локти на коленях, одна лениво ковыряет ножом в зубах, другая тычет мясо огромным тесаком. Она уже сыта, просто ей нравится протыкать упругую жареную плоть острием. Стол богатый. Завален жареным мясом, заставлен бокалами и бутылками. Тут сидят обеспеченные низушки. Я бы даже сказал, богатые – одно мясо на столе потянет на три сотни солов, если грубо оценить объем. За весь стол отвалили не меньше пяти сотен солов. Бешеная сумма по меркам Окраины. Судя по тому, что они все сыты, а мяса еще много – голодать не привыкли, если вообще хоть когда-нибудь голодали.

Что еще?

Это волки. Мужики и девушки – неважно. Каждый выглядит бойцом, а не трудягой.

Одеты достойны, но неброско. Куртки, пара плащей, штаны, ботинки, тяжелые рюкзаки. Оружия не увидел – оно наверняка было в той прикрытой верхней одеждой куче у стены. Но ножи они оставили при себе. И шила на поясах – причем шила непростые. Качественнейший самодел. Взяли обычный стержень – такой вставляется в дубину – подточили, снабдили резной рукоятью и ременной петлей. Удобно, красиво, практично, вызывает уважение.

Сидящий у прохода широкоплечий мужик... вот об него и зацепился тогда мой взгляд. Ему около пятидесяти, правая щека в частых шрамиках округлой формы – будто кто-то попытался перфорировать ее толстым шилом. Бейсболка прикрывает глаза. Но он как раз приподнял лицо, чтобы ответить что-то сидящей рядом девушке. И я увидел, куда он смотрит. А глядел мужик на сидящую к нему спиной Йорку. Если еще точнее – он не отрывал взгляда от ее правой руки, частично скрытой рукавом черной футболки.

Еще точнее – он глядел на новую приметную руку Йорки, сплошь покрытую непонятными татуировками.

И ведь примечательная деталь – сами ребятки были одеты так, что руки видны от запястья и ниже, штаны скрывают ноги, в воротах футболок видны шеи, само собой на виду и лица. Наколок я не заметил. То есть вроде бы ни у кого и малейшего намека на пятнающую кожу несмываемую краску.

Пристальный взгляд с огоньком узнавания – вот что я вчера заметил, но пропустил мимо сознания. Идиот. Напрягись я сразу, а не с запозданием в несколько часов – заметил бы куда больше важных деталей.

Либо я крупно ошибаюсь, либо тот мужик *узнал* новую руку Йорки.

И что дальше?

А ничего. Но присматривать за Йоркой стану в два раза пристальней. На всякий случай.

Текущее время: 05:55.

Попытался переключиться на грядущий день. Но в мозгу упорно всплывали картинки из вчерашнего дня и отрывки сновидения. Пришлось мотивировать себя просмотром интерфейса.

Статус.

Физическое состояние.

Финансы.

Задания.

Статус...

Номер: Одиннадцатый.

Ранг: Низший (добровольный).

Текущий статус: ОРН-Б (повышенное трехразовое питание, стандартное водоснабжение, стандартное дополнительное снабжение).

– Вот это интересно. – хмыкнул я, чувствуя, как возвращается хорошее настроение. – ОРН-Б? Боевой орк? Нет уж, я пока, пожалуй, останусь гоблином. Питание повышенное...

Изучил каждую строчку, задумчиво поскреб опять начавшую зарастать щетиной щеку. Пока не попробую и не пощупаю – радоваться рановато. Но увиденное выглядит неплохо.

И снова все по машинному логично.

Бойцы нахаживают в день расстояния как минимум вдвое большие чем обычные работы. Тем куда ходить? Проснуться, позавтракать, явиться на сегодняшнее место работ, выполнить норму, вернуться обратно в родную кляксу. Обед, болтовня, ужин, болтовня, сон. Стандартных питания и уколов вполне хватит для покрытия растроченной энергии. Заработок уходит на личные нужды – если ты орк, а не жалкий гоблин.

Бойцы же... Сначала надо выполнить задание рабочее – сходить на место работ и обратно – потом плестись километра два или три на патрулирование, к примеру, а потом может появиться еще одно срочное боевое задание. На все это нужны силы. Нужна бодрость. Желательна повышенная скорость восстановления.

А что у меня с бодростью и восстановлением?

Общее физическое состояние: норма.

Состояние и статус комплекта:

ПВК: норма.

ЛВК: норма.

ПНК: норма.

ЛНК: норма.

Дополнительная информация: борьба организма с последствиями острой интоксикации. Легкий токсикоз.

Сначала испугался. Но через секунду понял и с облегчением выдохнул – информация просто не обновилась. Организм не может сам себе сделать диагностику, а чтобы обновиться, – надо наведаться в ближайший медблок, заплатить сол и получить свежие данные.

Баланс: 38.

Четыре сола сняли за сегодняшнюю аренду комплекта конечностей.

Еще два – ночлег и душ. Не в крови же запекшейся спать.

Из девяти стопок первые три были бесплатно. Следующие шесть – по четыре сола за стопку.

Вот и поистратился. Но не переживаю по этому поводу. Будут задания – будут деньги.

Задание: Патруль.

Важные дополнительные детали: Быть на месте не позднее 12:00. По двойному сигналу сменить предыдущий патруль.

Описание: Патрулирование 29-го магистрального коридора с 80-го по 110-ый участки. При обнаружении плунарных ксарлов – уничтожить. При получении системного целеуказания – уничтожить указанную цель.

Место выполнения: 29-ый магистральный коридор с 80-го по 110-ый участки.

Время выполнения: до 15:00, по двойному сигналу сдать смену прибывшему патрулю.

Награда: 45 солов.

Боевое задание расположено сверху – приоритет системой указан четко.

И снова двадцать девятый магистральный. Похоже, это самое проблемное место Окраины. Двадцать девятый, насколько я понял, идет гигантской дугой, проходя рядом с Гиблым Мостом мимо Зловонки и дальше – в места, о которых даже Баск не мог рассказать почти ничего. Лишь сказал, что где-то в районе семидесятого участка расположен КЛУКС-16, а если продвинуться еще километров на пять, уткнешься в КЛУКС-15, прозванный Чумной Кляксой. Давным-давно там случилась эпидемия, унесшая жизни нескольких сотен гоблинов. Система справилась далеко не сразу, но распространения не допустила – проходы были блокированы бронированными перегородками и боевыми звеньями, имевшими приказ стрелять по любому, кто приблизится на расстояние ближе тридцати шагов.

С каждым днем я узнаю больше о здешних местах и готов отдать должное – данные прозвища намертво оседают в памяти. Клуks-15, может, и не вспомнишь сразу, а вот Чумная Клякса – попробуй забудь. Для населения этой части Окраины названия «населенных пунктов» мало что значат – они далеко не путешествуют. Рабочее задание выдается с таким расчетом, чтобы трудяге не пришлось топтать больше трех-четырёх километров. Ну, может, пяти. И вряд ли прижившийся в семнадцатой кляксе гоблин вдруг решится пуститься в долгое путешествие только для того, чтобы поглазеть на внешне точно такую же пятнадцатую кляксу. Хотя на Гиблом Мосту, наверное, каждый побывал хотя бы раз – зрелище впечатляющее.

Задание: Доставка и установка блока.

Важные дополнительные детали: Получить блок у первого участка 30-го магистрального коридора у шестьдесят третьего во временной промежутке с 07:00 до 10:00. Приступить к доставке блоков. По пути не утерять блок, приглядывать за блоком, защищать блок, не доверять блок. По прибытию на место перед установкой блока (не ранее! Крайне важно!) изъять (извлечь, вытащить) из блока пластиковую предохранительную пластину. Блок вставлять правильной (красной) стороной в приемные отверстия 22-5, 22-6, 22-9 (214 коридор).

Описание: Доставка и установка блока.

Место выполнения: Зона 27, коридор 214.

Время выполнения: до 12:00.

Награда: 15 солов.

– Оп-па... – прочитав, помотал головой, прочитал еще раз.

Так...

Ну, разжевывание для дебилов налицо – система попыталась сделать текст как можно более понятным, хотя получился скорее обратный эффект. Хрен разберешься... Но отнестись надо предельно серьезно.

Задание новое. Подобного прежде еще не выполняли. Уверен – у остальных членов группы точно такие же задания. Итого – три блока. И настораживающе много упоминаний об этих блоках – не утерять, приглядывать, защищать блок, не доверять блок.

Защищать блок! Не доверять блок!

От кого защищать, блин?

Первый вопрос очевиден – что это за блоки такие? Но вряд ли мне кто-то ответит.

Насколько тяжелые? Неизвестно. Но вряд ли легкие. У меня и у Йорки есть рюкзаки. Немедленно надо получать рюкзак для зомби Баска, наскоро перекусывать, диагностироваться, колоться и выдвигаться. Оба сегодняшних задания завязаны на время. Я уже начал тосковать по столь милому «до вечернего сигнала окончания работ».

Первый участок тридцатого магистрального – у самого Гиблого Моста. Место, где вчера полегло четыре боевых орка.

Текущее время: 05:59

Из открывшейся капсулы выполз зомби. Уселся на пол, широко зевнул, натянул бейсболку, прикрывая изуродованное лицо. Наклонил голову. Слушает. Я дробно простучал по скамейке – три раза, пауза и еще три раза. Мягко встав, ощутив себя, скользнув руками по ложу капсулы, Баска зашагал ко мне. Капсула за его спиной закрылась. Теперь, если что-то в ней забыл, придется платить еще один сол.

Зомби уселся рядом.

– Утро, командир.

– Утро. – ответил я на приветствие и перевел взгляд на третью капсулу.

Текущее время: 06:01.

– Так, блин...

– Я сделаю.

– Будь безжалостно! – велел я. – По пути к соне проверяй интерфейс – сегодня задания необычные.

– Делаю.

Прочитав текст обоих заданий еще раз, похмыкал и занялся осмотром ран, тщательно оглядев и прощупав каждую заплату на ногах. И принюхаться не забыл. Показалось? Или от рано явственно пахнет свежей свининкой? Страшно, гоблин? То-то же. Бойся, гоблин! Старайся, гоблин. Стал червем – превратился в потенциального поросенка. Только хрюкать и сможешь в загоне – без языка-то.

Убедившись, что все в порядке, встал, неспешно потянулся, внимательно прислушиваясь к ощущениям. Норма, выражаясь языком системы. Есть окостеневшие забитые мышцы, но их разомну по пути к торгспотам.

Третья капсула открылась. С протяжным зевком на пол вывалилась Йорка.

– Лопнуть и сдохнуть! Рань какая! Может, еще минуток со...

– Через две минуты выдвигаемся! – не дал я шанса на переговоры. – Читаем тексты заданий – и вперед! Времени в обрез, бойцы. Кому неохота трудиться – пусть трижды хрюкнет и представит себя бифштеком. Сразу захочется.

– Оди! Фу! Это неспортивно, гоблин! Я готова.

– Проверь капсулу. – тихо посоветовал зомби Баск.

– О черт! Точно – шило забыла. Все, теперь точно готова!

– Двинулись...

Завтрак нас поразил. Всех троих. Мы с Йоркой пораженно пялились, Баск с удивленным недоверием ощупывал и покачивал на ладони выданный системой паек. Новые пищевые брикеты. Они были крупнее процентов на тридцать обычного завтрака – того, что получают рабочие зомби, гоблины и орки. Но главное – они были *тяжелее*. Реально тяжелее. Сразу верилось – вот в этот брикет действительно впрессовали многое. Меньшая пористость, более сильный запах, увесистость, объем. При этом цена осталась прежней – сол. Удивительные ощущения. Раньше тебе за эти деньги давали черствый кусок хлеба, а теперь – горячий тост с маслом и колбасой.

– Чтоб всегда так жить. – удивительно тихо и нежно произнесла Йорка, ласково баюкая брикет в ладонях.

Пришлось рыкнуть:

– Может, еще колыбельную ему споешь? А ну все за еду!

Подавая пример, первым откусил солидный кусок. Пока жевал, мысленно прогнал перед глазами ассортимент пищевых торгспотов. Я вроде видел в них увеличенные пищевые брикеты. И цена у них была иная. Три сола за брикет – в три раза выше той суммы, что сняли у меня с баланса. Вкус брикета оказался куда более насыщенным. Но все так же непонятным – солонатовое приятное что-то.

Закончив с завтраком, зыркнул на бойцов и заворчал злым орком:

– Куда?! Доесть до крошки!

– Оди! На потом! – воспротивилась Йорка, пойманная на горячем – прятала добрую половину брикета в поясную сумку.

– Ты мне свои гоблинские привычки брось! – надавил я. – Хватит обглоданные кости по углам закапывать. Баск! И тебя касается. Куда четвертушку прячешь?

– Тоже привычка, – смущенно отозвался зомби. – Раньше не каждый день еда в руки попадала. Специально за рационом не ходил – чтобы долги не увеличивать. Грыз брикеты по крошке. Рассасывал под языком по грамму – из-под языка, говорят, сразу в мозг и кровь все уходит.

– Не особо уходит! Эти времена прошли! – отрезал я. – Я вам не советую, я вас не прошу, я даже не требую. Я отдаю четкое и обязательное к исполнению распоряжение – завтрак, обед и ужин съесть до крошки сразу же! Каждая крошка – сколько-то калорий. А это восстановление, бодрость, запас энергии. Дальше пройдем или пробежим, быстрее выполним работу, при необходимости выдержим затяжную драку или убежим от слишком сильного врага. Без энергии в крови всего этого не сделать. Жуйте!

– Йесть!

– Как-как?

– Ну слова «йес» и «есть» вместе. Круто же? Йесть съесть все до крошки!

– Знать бы еще, на каком языке мы разговариваем, – вздохнул я, одобрительно глядя, как бойцы доедают брикеты.

– На нашем, – пожала плечами Йорка. Баск согласно кивнул.

«На нашем» ... и что это за ответ? Но я сам не могу ответить на этот вопрос.

Покончив с завтраком, выдвинулись в дорогу. Я чуть отстал, оглядел команду. Вздохнул еще тяжелее, горестно покрутив головой. Идут, блин... сгорбились, руки по локоть в карманах, головы опущены, загибают ногами, зевают через каждые три шага, жадно посматривают на каждую встречную скамейку – сесть бы сейчас, а еще лучше, лечь и не спеша переваривать завтрак... Это не бойцы. Нет. Это... это один в один те зомби, что каждый день собираются на семнадцатом перекрестке и валяются там тюленями в ожидании какой-нибудь работенки.

– Йорка берется за дубинку, – ласково произнес я, – левой рукой. Через каждые десять шагов отработывает простенькую связку.

– Оди!...

– Тихо!

– Йесть...

– Держи шило. Теперь оно твое. И всегда должно быть в полное порядке и под рукой. Глядя на него, что видишь?

– Чистенькое, блестящее...

– Именно. Пусть так и будет. Баск – это и тебя касается.

– Понял.

– Йорка, шило за ремень поясной сумки так, чтобы жало тебя в пузо не тыкало, когда сгибаешься! А если придется резко сесть или нагнуться внезапно? Сама себе шилохири сделаешь?!

– Лопнуть и сдохнуть! Что сделаю?!

– В сторону чуть шило. Смести к боку. Но чтобы правой рукой можно было моментом выхватить. Потренируйся. Ага... видишь – неудобно, слишком долгое движение. Должно быть максимальном коротким. Да, вот теперь хорошо. Теперь поясню и показываю. Сначала на словах, затем раза три покажу. Связка тебе частично знакома, но с добавлениями. Сорвать дубину с пояса левой рукой, выхватить из-за пояса шило, на подшаге вперед дубину поднимаешь, резко опускаешь. Плукс пришиплен. Удерживая дубину, опускаешься на левое колено, быстро и сильно бьешь шилом трижды – раз, два, три!

– Вот на меня сейчас смотреть будут как на...

– Как на кого? – поинтересовался я ласково.

– Э-э... как на того, кому надо завидовать!

– То-то же. Давай сюда дубину и шило. Показываю... – встав, повернулся к Йорке: – Уловила?

– Нет, конечно! Так быстро!

– Быстро? Ну нет – я делал все медленно, – не согласился я. – Текущая физика не позволяет большего пока.

– Физика? – переспросил Баск.

– Физическое состояние тела, – с готовностью пояснил я. – Совокупность гибкости, силы, координированности. Так что готовьтесь, бойцы, – с этого дня нагрузки пойдут по нарастающей. Для чего? Чтобы не сдохнуть в тяжелой ситуации. Чтобы вывернуться, выжить, да еще и победить – и гордо вернуться. Йорка! Приступай!

– Йесть!

– Баск. Твоя очередь. Ты слепой, в курсе?

– Ну... к-хм... догадываюсь, что слепой. – кашлянул зомби. – Почти слепой.

– Но ты постоянно скрываешь признаки ущербности – козырек на глаза натягиваешь так, что только подбородок и видно. Так дело не пойдет.

– Ну ему же так легче. – возразила Йорка.

– Связку! Через каждый седьмой шаг!

– Ой! Сдохну! Сдохну и лопну, Оди! Прости меня! Делай с зомби что хочешь!

– Баск, у тебя неверный подход к своим недостаткам. Ты их маскируешь, а надо гордо выставлять напоказ и превращать недостатки в достоинства.

– Слепоту в достоинство, командир?

– Тяжеловатая задача. – согласился я. – Но речь пока о твоих жутких шрамах и пустой глазнице. Прямо-таки напоказ их выставлять глупо, но надо сделать так, чтобы любой зрячий встречный сразу видел – перед ним слепшара. Беспомощный слепшарый зомби. Что это нам даст?

– Ну...

– Многое. В случае стычки с гоблинами и орками, а не плуксами, атакующий, увидев твою незрячесть, либо проигнорирует тебя как незначительную угрозу, пройдя мимо, либо же, наоборот, – первым делом решит прилепнуть самую легкую цель. В обоих случаях у тебя открывается огромный тактический простор с настолько шикарной вариативностью действий, что лучше бывает только в сказках...

– Огромный тактический простор с шикарной вариативностью действий. – замороженно повторил Баск, часто закивав и поднимая козырек бейсболки на пару сантиметров. – Я слушаю очень внимательно, командир...

– Огромный тактический простор с шикарной вариативностью действий... Да вы... гоблины вы! – припечатала Йорка и, не дожидаясь моего окрика, начала связку. Проследив за ней, дал пару поправок и вернулся к разговору с Баском:

– Сейчас покажу тебе первый удар шилом. Удар подлый, быстрый, незаметный, идеальный для отработки по почти вплотную стоящему противнику. Удар дробный, сразу предупреждаю! Вытащил – воткнул, вытащил – воткнул. Чтобы не было такого – воткнул шило и радостно лыбишься, думая, что уже все кончено.

– Понял.

– Назовем этот удар – «Кто тут?»

– Гениально. – зафыркала Йорка, успевшая отработать связку уже трижды. Куда только делась ее недавняя вялость – от нее прет волна бодрости. Глаза сверкают, плечи расправлены, руки напряжены...

Не обращая внимания на сарказм, начал пояснять, взяв левую руку Баска и водя ей в пространстве:

– К тебе подходит гарантировано нехорошая личность. Предположим, подходит громко, что-то говорит, смеется, подходит без опаски – потому что ты беспомощный слепшара. Что ты делаешь? Тут просто – поняв, что он в шаге от тебя, робко и неуверенно вытягиваешь дрожащую левую ручонку, тянешь ладошку в попытке нащупать любую часть его тела. Кто тут? Тут кто-то есть? Ау? Как нащупал, к примеру, плечо – в голове сразу возникнет картинка его тела, примерное сложение, положение в пространстве. Но не торопись! Быстро скользишь рукой по его плечу, груди, плечам – зависит от выбора цели удара. Как понял, что он не прикрыт защи-

той, рукой-щупом крепко хватаешься за то же плечо, дергаешь к себе и сам подаешься вперед и тут же бьешь вот так! – перехватив его правую руку, дернул ей, нанес удар. – Это если по животу. Вот так по шее справа-налево. Отработай эти два удара. Суть не в силе, а в скорости. Действуй. Ошибки будут, но это ерунда, научишься. Следи за выражением своего лица – на нем должна быть не агрессия, а чуть испуганная беспомощность. Мышцы лица расслаблены, рот приоткрыт. Враг должен отчетливо видеть – этого слепошару я могу раз пять поиметь, а он и заметит-то не сразу.

– Понял! – козырек бейсболки поднялся еще на сантиметр.

Показались во всей красе исполосовавшие его лицо жуткие шрамы, зияющая пустотой глазница, побелевшее и полускрытое изуродованным веком второе глазное яблоко.

– Вот так и ходи. – одобрил я. – Если дискомфорт слишком сильный – сделаем повязку и чуть поднимем ее с одного края. Она закроет глаза, но при этом, в отличии от бейсболки, не скроет факт твоей слепоты, а даже подчеркнет ее.

– Я сделаю! – вызвалась напарница.

– Отлично. А теперь продолжаем отработку! И я тоже...

Колени... ступни... да и общее состояние ног меня не удовлетворяло.

Волка ноги кормят. В моем случае я казался сам себе хромой улиткой. Ноги едва держали меня в выпадах и глубоких приседаниях. О более сложных движениях и речи не было – просто рухну. Вот ногами и займусь, благо сделанная диагностика выдала оптимистичный лаконичный прогноз:

Общее физическое состояние: норма.

Состояние и статус комплекта:

ПВК: норма.

ЛВК: норма.

ПНК: норма.

ЛНК: норма.

Дополнительная информация: Легкий токсикоз.

Легкий токсикоз – тут грешу на вчерашнее самогонное возлияние. Хотя может, и остатки плуксового яда в крови до сих пор бродят.

Общее состояние – норма. И плевать, что у меня до сих пор раны на ногах и локоть толком не работает. Но укол лекарства мне сделали.

А еще система начала выдавать описанное «дополнительное снабжение», положенное нам по статусу боевых орков. Первый подарок был влит прямо в вену – дополнительные витамины. А за вторым отправили к ближайшим торговым автоматам. Туда мы и двигались – зомби колет шилом, гоблинша пыхтит с дубиной, а я... а я делаю глубокие выпады.

Боец без сильных выносливых ног... это просто мясо, кусок свинины, которую быстро отобьют до нежной мягкости, слегка обжарят и со вкусом сожрут, не забыв облизать когтистые пальцы.

В оружейном торгспоте я потратил девятнадцать солов. Десять на дубину, четыре на стержни-шпы к ней и еще пять отдал за шило. Не забыв отломать вредительское крепление на дубине, снабдил ее шипами, повесил на ремень поясной сумки. Пару раз снял и взмахнул для пробы. Шило повисло с другой стороны. Вот теперь и я вооружен относительно неплохо. Прошелся глазами по электрошокерам. Жадно облизал взглядом ножи – самый дешевый стоил семьдесят пять солов. А самый дешевый электрошокер – сто двадцать солов. И выглядел он не слишком мощным. Цены бешеные. Не могу судить по электрошокерам – хотя грамотно пользоваться ими вроде как умею – но почему настолько дорогие ножи? Разве нож с пластиковой рукоятью и средней длины и ширины лезвием может стоить семьдесят пять солов? Гоблин никогда не купит такую игрушку. Максимум скопит на шило или дубину. Орк... экономя и

трудясь, приобретет. И постоянно будет бояться потерять такую дорогую игрушку. Да и сам нож – лезвие не выглядит достаточно прочным. Штамповка низкого качества. Хорошо, когда вся торговля сосредоточена в одних руках – система может устанавливать любые цены и не бояться конкуренции.

Снова вспомнилась та вчерашняя компания по соседству. Девушка тыкала в мясо здоровенным ножом, считай тесаком, что слишком велик для ее руки и комплекции. Чистые понты, и чтобы «выглядело зачетно» ... И сколько может стоить такой тесак? Оглядел ассортимент оружейного торговспота, но столь большого ножа не обнаружил. Здесь самый дорогой стоил триста солов ровно и в размерах был меньше.

Опять я почти нищий. Ну и ладно. Тратим дальше. Купил четыре таблетки «шизы», тут же вручив каждому по одной. Крутнул витрину дальше. Глянул ниже. И приобрел на оставшиеся десять солов две небольшие упаковки медицинского клея БФ-22М. Одну отдал Йорке, велел не жалеть и прямо сейчас замазать все открытые ссадины и порезы. Заодно попросил осмотреть Баска. Попросил и тут же пожалел – Йорка с энтузиазмом принялась крутить бедного зомби как куклу, тормошить, заглядывать под футболку, с ехидцей спрашивать все ли в порядке под штанишками. Смущающийся Баск покорился неизбежному и позволил обмазать себя клеем. Я тоже прошелся по себе, закупорив несколько ранее обнаруженных ссадин. Задумчиво взвесил на руке упаковку БФ-22М. Пять солов. Белая квадратная пятидесятиграммовая упаковка с завинчивающимся колпачком. Удобно переносить. Дизайн продуман. Хм...

– Что ты на него смотришь? – поинтересовалась Йорка.

– Он вроде как неплохо горит. – ответил я, убирая клей в поясную сумку.

Баланс: 0.

Повозившись у торговспота, Йорка протянула мне руку и потребовала:

– Ладонь гоблинскую подать!

Удивленно подал. И мне на ладонь легло пять таблеток шизы и пять красных таблеток КРФР.

– Красные – красный фрукт. – пояснила девушка. – Все твое!

– И вот...

Баск протянул в пространство руку с четырьмя таблетками и двумя парами серых перчаток. Вытянутая чуть дрожащая рука, жалобное и беспомощное выражение нечастного слепца...

– Отлично! – одобрил я. – Выражение лица идеальное.

– Стараюсь. Забирай, командир. Йорка, ты тоже.

Сгреб две таблетки шизы и пару перчаток. Убирая подарки во внешний карман рюкзака, покачал головой.

– А чего?! – сразу перешла в атаку Йорка, заметив мое неодобрение. – Ты один стараться за всех должен? Поможем, чем сможем! Мы с Баском уже решили!

– Поможем, чем сможем! – подтвердил зомби. – Не обижай. Мы команда.

– Принято. – вздохнул я. – Вот до чего доводит демократия и расовая терпимость к зомби... Нежить в резервацию! Изгнать гоблинов в Чумную Кляксу! И заодно получить дополнительное снабжение! Где оно, кстати?

Нужный нам торговый аппарат выглядел как серый безликий ящик с идущий поверху надписью «ОРН-Б». Квадратик сенсора, закрытая заслонка выдачи. Никакой витрины. Вплотную к нашему автомату стоит еще один. В размерах чуть больше, цвет синий, поверху надпись: «ПРН-Б». Вот чудится мне, что там подарки покачественней будут...

Я прижал палец первым.

Дополнительное снабжение произведено (ОРН-Б).

Сообщение неожиданно, но как всегда лаконично. Заслонка лязгнула, автомат выплюнул... две пары длинных черных носков и большую оранжевую таблетку. Принял дар. Отошел, пропуская Баска.

Так...

Носки – это понятно. Боевого орка ноги кормят.

Таблетка... крутнул оранжевый кругляш в руке и не удержался. На одной стороне мелко написано черным «Энергия. ЭТ-М-2». На другой стороне тоже черным и очень крупно «СОСАТЬ!»

– Прекрасная инструкция. – всхлипнув, утер слезы восторга. – Как четко, коротко и ясно! Потрясающе! Уф... кому что дали? Зомби?

– Пару носков, пару трусов, таблетку какую-то. Не вижу же.

Ну да. Система не пояснила. Так вот получишь таблетку и решишь – сосать надо! А окажется, что плексам задницу ими натирать следует...

– У тебя шиза! – помогла Йорка зомби. – Мне дали белье – верх и низ. Спортивные. И таблетку энергетическую. К-хм... написали, так написали...

– Неплохо. – подытожил я. – И, вроде как, каждый день подарки выбирают по принципу генератора случайных чисел. На общую сумму... где-то от трех до шести солов? Плюс минус...

– Примерно так получается. – кивнул Баск.

– Ну все. Выдвигаемся к тридцатому магистральному. По пути тренируемся – на каждом сотом шаге.

– Я могу чаще! – удивленно заметила Йорка. – На каждом пятидесятом?

– И я!

– На каждом сотом. – покачал я головой и пояснил: – День только начался. Так что побережем силы. А то под вечер придется строго следовать оранжевой таблеточной инструкции, чтобы суметь добраться до капсул. Будем идти и дружно...

– Что делать? – озадаченно спросил зомби, не дождавшись ответа. – Что будем дружно делать по оранжевой таблеточной инструкции? М? Оди? Йорка? Чего молчите? Что мы будем дружно делать под вечер?

* * *

Задание: Доставка и установка блока.

Важные дополнительные детали: Получить блок у первого участка 30-го магистрального коридора у шестьдесят третьего во временной промежуток с 07:00 до 10:00.

Текущее время: 07:04.

Пройдя по двадцать девятому, добрались до поворота в тридцатый. Еще двести метров – и Гиблый Мост. До места вчерашнего боя шагов двадцать. Но я остановился сам и остановил группу перед самым поворотом в тридцатый.

Что-то тут не так...

Секунда. Другая. Я двигаюсь дальше, жестом даю знать Йорке, что с расспросами пока надо погодить. Девочка умница – понятно кивнула, толчком в плечо чуть подправила направление Баска, спокойно зашагала с ним рядом. Треугольником – я во главе – дошли до поворота в обычном темпе ленивых трудяг. Но это ноги лениво шагали. Глазами же я водил по сторонам с жадной пытливостью подростка, впервые в жизни открывшего разворот премиального выпуска журнала для взрослых. Сколько тут всего интересного...

Глаза фиксировали. Мозг сортировал, быстро клея каждой увиденной личности-фигуре или группе свой ярлык.

Группа. Сектанты. Мрачные полурослики, которым система поручили детективное расследования жирного Джонни. Стоят посреди перекрестка, угрюмо смотрят в глубину тридцата-

того магистрального. Они очень недовольны, корчат суровые неодобрительные гримасы, руки лежат на дубинках, но... никто ничего не делает. Просто стоят.

Толпа. Вместе и порознь. Около сорока рыл. Судя по поведению, любопытному выражению лиц и общей нейтральности – просто зеваки. Зомби, гоблины, орки, а если судить по одежде – то и две небольшие группы полуросликов. Стоят у дальней стены двадцать девятого коридора, тоже смотрят в тридцатый, перед ними сектанты-полурослики. Никто ничего не делает. Стоят, переговариваются.

Большая группа. Вместе и порознь. До пятнадцать рыл. Орки и полурослики. Толпа состоит из четырех-пяти групп. Это сразу бросается в глаза – кто с кем кучкуется, одинаковые элементы предметов и цветов одежды. Я бы сказал, что здесь пять групп. В каждой по трое. Как интересно... нас вот тоже трое. Главное впечатление от этой толпы – они напуганы. Топчутся на месте. Порываются в тридцатый магистральный. Но при этом не пересекают незримую черту. Все они пребывают в нетерпении, поглядывают на потолок, будто надеясь получить защиту. Второе впечатление – это усердные работяги, среди них нет никого ниже орков, большая их часть давно пребывает в статусе полуросликов. Неплохо одеты, обуты, снаряжены.

Так...

И что же тут такое?

Если взять все три группы и выстроить их в одну линию по направлению к тридцатому магистральному коридору, то получится странная карта эмоций и количества.

Толпа любопытных и одновременно безразличных зевак.

Четверо – трое старых знакомых плюс еще один новенький – полуросликов «детективов» верующих в Мать. Очень сердиты, напоказ сердиты. И при этом пассивны.

Четыре-пять нетерпеливых и при этом испуганных рабочих групп.

И что эта композиция «Любопытные, Злые и Напуганные» означает?

Мы почти дошли до «Напуганных», когда от них нерешительно отделилась тройка полуросликов, сделала несколько шагов и свернула в тридцатый. Самые храбрые из трусов отпочковались и двинулись навстречу... чему? Тут же оживились «Сердитые». Их главный поднял руки и громким торжественным басом заявил:

– Нельзя на пути Матери становиться! Нельзя мешать ей! Она заботится о нас!

Мужик, ты серьезно? Возомнил себя на театральных подмостках? Или считаешь себя кем-то вроде проповедника?

Едва завопил сектант, сразу заволновались «Любопытные», подались чуть вперед, жадно уставились в тридцатый.

Я теперь тоже волнуюсь и мне тоже очень любопытно...

Мы быстро миновали уставившихся на нас «Напуганных».

– У этих тоже доставка?

– Спроси у них!

– Остановите их, они же не знают...

– Орки! Это же Оди!

– А этот вообще слепой...

– Так у них доставка?

Мы свернули. Подавшись чуть вперед, жадно впился взглядом в пространство коридора. Чего тут происходит? Перед нами, шагах в семи, медленно и нерешительно шагает тройка полуросликов. Состав чисто женский. В глаза бросилась незначительная деталь – у всех троих ухоженные хорошо расчесанные волосы собраны в хвосты. От стены перед тройкой лениво отлепился широкоплечий здоровяк, сплюнул под ноги, упер руки в бока, вежливо спросил:

– Куда претесь, сучки? Доставка блоков? И говорите быстро, – детина поразил меня удивительнейшим жестом, щелкнул себя по скрытому штанами бугру члена, – а то втроем моего зверя унимать будете лаской!

Как красиво сказано...

– Мы... – робко начала одна из тройки.

Я остановился, прижался к стене, чуть присел. Почувствовал, как за мной пристроилась таким же макаром Йорка, успевшая толкнуть за себя Баска.

Что за хрень тут происходит?

Из-за спины здоровяка – да это же Барс! – выскочила Букса, глянула на потолок и тут же нанесла удар кулаком в горло заговорившей. Сразу ясно – удар непоставленный, слабый. Но полурослик отшатнулась, схватилась за горло, захрипела, сделала шаг назад. Закивала. Да, доставка.

– Доставка, значит, – кивнул Барс. – Блоки не донесете, сучки! По дороге их у вас заберут. Кто спросит – скажете, потеряли, а где не знаете. Всосала?

– Так нельзя...

Быстрый взгляд на потолок. И через мгновение мы стали свидетелем звериной жестокости – от Буксы прилетел плевок в лицо хнычущей девчонки, еще один удар в горло, а следом Барс, схватив жертву за голову, с силой ударил ею о стену. Бам-м-м... Вскрик, еще удар в живот, полурослик рухнула навзничь на руки подруг, что оттащили ее назад и, развернувшись, торопливо пронесли мимо нас. Я опустил голову, пряча лицо – не от них, от Барса.

– Либо так – либо никак, сучки! – крикнул Барс, снова прислоняясь плечом к стене. Букса повернулась к нему, оба залились веселым смехом, последовал смачный долгий поцелуй – не вижу сзади, но, наверное, с языком.

Два шага, и я за Буксой.

– Не так ты головами о стены бьешь, Барс, – посетовал я с глубоким вздохом.

Вздрыгнувшая парочка с мокрым чавком распалась, Букса начала оборачиваться. Плевков в лицо, ладонь на голову и резкий рывок. Б-А-М! Коротко, сильно, с чувством! И еще раз! Теперь лицом! Б-А-М! Тварь рухнула, я радостно улыбнулся:

– Вот как надо бить, котик.

– Ты!

– Ага, – согласился я, успев опустить руку на дубину и, не снимая ее с пояса, просто резко нажал на рукоять. Шипастый конец по дуге взлетел вверх, войдя аккурат между широко расставленными ногами Барса. Почти одновременно с этим мое шило ударило его в лицо, вспоров щеку и насквозь пробив нос – на сантиметр ниже глаз, там, где хрящи. Нажать на дубину, шипы входят в такую мягкую-мягкую плоть. Шило на себя.

– А-А-А-А-А-А-А-А-А-А! Ха... ха... А-А-А-А-А-А-А-А-А!

Согнувшийся и при этом вставший на цыпочки Барс жалок. Он танцует. Перебирает ножками, льются на чистый пол первые капли крови.

– Заткнись! – еще рывок шилом.

– А-ГХ-Х-Х-Х-Х!

– Заткнись! – нажать на дубину.

И тишина... такая приятная тишина...

– Постой так. – попросил, глядя в глаза Барса и, вспомнив, плюнул ему в лицо – Совсем забыл – вы же так здороваетесь, да? Привет тебе, гнида!

Тишина... льется из пробитой шипами промежности кровь. И не только кровь – жидковатая больно. Вместе с мочой. Котик описался...

Повернул голову, мимо замершей в готовности своей группы посмотрел на перекресток. Наткнулся взглядом на главного сектанта. С пару секунд мы смотрели друг на друга, после чего он демонстративно заложил руки за спину и громогласно объявил:

– Я ничего не вижу! Мы ничего не видим! Око Матери будет здесь через четыре минуты.

Кивнув, повернулся снова к Барсу, продолжая удерживать его на шиле и шипах дубины.

– У нас еще четыре минуты радости, котик. Хочешь, я сильнее поглажу твоего барса? Ты же так этого хотел... приласкать? Унять твоего зверя лаской? А то мне так страшно – вдруг он зарычит и бросится на меня? Давай я ласково приласкаю. Тебе, может, даже понравится...

– Нет... нет... пожалуйста, не спеши... не спеши... – зачастил истекающий кровью парень.

– Странно слышать такие слова от парня. – признался я. – А ты еще так близко...

– Послушай... послушай... просто предложили... шанс... раньше это делал Джонни Лев...

– Прошлое не оставляет меня. – скривился я и, глянув вниз, прервал парня: – Стой... ты не против, если я ударю твою девушку пяткой в ухо? А то она уже шевелится... а мне так хочется кому-то сделать больно...

– Не надо, о... одиннадцатый... не надо...

– Тогда тебе дубину засажу поглубже, да?

Решение было принято мгновенно:

– Н-нет... можно ее...

– Спасибо, что разрешил. – благодарю я и резко опускаю пятку на ухо начавшей ворочаться Буксы. Удар ноги, голова бьется о пол. Нокаут.

Подняв глаза, спросил:

– Кто вам предложил?

– Послушай...

– Кто предложил, тварь! – лязгнувшая в голосе сталь заставила Барса сжаться, и он тут же охнул от боли. – Говори! У меня твой хер на вилку наколот! Один рывок, сука, один рывок, и твой вонючий зверек без всякой ласки повиснет на моей дубине! А потом ты его у меня сожрешь – прямо с дубины! И дубину оближешь! Кто?!

– Я не знаю! НЕ ЗНАЮ! Они городские! Приехали вчера. Ночью явились пьяные! Искали Джонни – он не пришел навстречу! Нашли меня! Сказали, что делать – бить и пугать, проверять номера по списку, что мне дали. Я еще не прочел весь... ты там, да? Там, да? С-сука, если бы я знал...

– То позвал бы дружков с дубинами? – предположил я, и этот debil согласно моргнул, шевельнул губами:

– Аг-га... А-А-А-А-А-А-А!

– Список! Сюда дал!

– Н-на! На! Вот!

Мне протянули крохотную пластиковую пластинку. Увидел столбец номеров.

– Йорка!

Чуть пригнулся. Вытянувшая над моим плечом руку Йорка забрала табличку, отступила. Выпрямившись, спросил:

– Сколько их? Городских.

– Шестеро! Шестеро! Мужики! И две девки! Опасные девки!

Дерьмо...

– С ножами? – бросил я наугад.

– Да! Да! Одна все время нож крутит. Они и сказали – пугать! Бить! Главное – не пропускать всю толпу сразу, пусть проходят по двое и трое, берут блоки и уходят. Следующих пускать через двадцать минут. Стараться выбить согласие отдать блоки. Если не согласятся – бить сильнее, потом пропускать. Такой уговор! Нам всего-то сто солов и два тяжелых шила пообещали!

– Хорошо. – кивнул я. – Они что-нибудь спрашивали?

– Н-нет... – и глаза ушли в сторону.

Рывок.

– О-О-О-О!

– В следующий раз я проверну дубину. – шипяще пообещал я. – Проверну так, сука, чтобы выворотить тебе яйца вместе с мочевым пузырем! Не ври мне! Что они спрашивали?

– Про девку в черной футболке! С расписанной правой рукой! Кто такая, где можно найти, одиночка или ходит под кем-то, какой номер, где чаще всего спит, какой уровень и в чем замечена!

– А ты что?

– Я знать о такой не знаю! Обещали узнать!

– Еще что-нибудь?

– Нет, клянусь! Нет!

– Подаришь мне свою соску? – спросил я, глянув на Буксу.

Ого... она почти пришла в себя. Моргает глазами, начала подбирать под себя ноги. Затаилась, пытается преодолеть боль и головокружение. Кровь и моча Барса залила ей лицо и шею.

– Я с ней поиграю пару ночей – и верну. – продолжил я. – Тебе-то долго еще зверьком пользоваться не придется. Что скажешь, Барс?

– Бери... – выдохнул тот.

– Спасибо. – улыбнулся я и выдернул дубину. Чуть опустив рукоять шила, рывком выдернул и его, причинив дополнительную боль. И резко ударил. Шилом. В печень. Короткий быстрый удар. Раз! И выдернуть.

Охнувший Барс согнулся. Схватился рукой за живот, другую бережно приложил к пробитой промежности. Наклонившись, я прошептал:

– Я убью тебя. Обязательно убью. А теперь беги, крыса. Я пробил тебе печень, но, может, промазал и задел печеночную артерию. Беги, крыса, беги!

И Барс побежал. Согнувшись, крича, он тяжело побежал. Домчался до перекрестка, свернул. Исчез из виду. Я глянул вниз. Размазывая по лицу кровь и мочу, Букса плакала. Слезы оставляли белые дорожки на щеке, скользили по носу. Присев, задумчиво причмокнул губами, медленно произнес:

– Бить головами о стены – можно и нужно. Но не без действительно веской причины. И главное – выбирай мудро того, кого станешь называть своим барсом. Не спутай трусливую мусорную крысу с благородным хищником. Зверь за тебя жизнь отдаст. А тварь вроде этой – продаст, не торгуясь. У тебя сотрясение. Не слишком тяжелое. С ухом все в порядке – ударил резко, но не сильно. Как встанешь, дойди до медблока. А потом хорошенько подумай о том, как жить дальше.

Не дожидаясь ответа, встал и пошел вперед – к Гиблому Мосту. Молчащая группа зашагала следом. Тишину нарушил Баск:

– Как я жалею, что не увидел этого...

– А я вот жалею! – булькнула Йорка. – Шипами в я... я...

– Яйца. – буркнул я. – И поглубже. Под шкурой барса жалкий слизняк... тьфу!

– Слышу много шагов. – оповестил зомби.

Я оборачиваться не стал. Зато это сделала Йорка.

– О! За нами идут. Та толпучка, мимо которой мы прошли! У них тоже задания?

– Ага. – мрачно кивнул я.

– Оди! Вспомнила! Что этот гад говорил про расписную руку и девку в черной футболке?! Жуть! Городские спрашивали обо мне? Да я ничего не делала!

– Ты – ничего. – согласился я. – А вот система сделала – похоже, отдала тебе ту руку, что не следовало. Расслабься, гоблин.

– Да лопнуть и сдохнуть! И что теперь?!

– Теперь – все по порядку. Сначала осматриваемся. Берем задание. Возвращаемся на перекресток и думаем думу тяжкую – как обойти городских.

– Они отрежут мне руку?

– Да не о ней сейчас речь, гоблин! Они явились сюда за блоками! Хрен его знает, зачем они им. Но они сделают все, чтобы мы не выполнили наше задание.

– Так, может, и к черту?

– Разберемся. – ответил я. – Разберемся. Главное, не мельтешить. Что там с номерами?

– Вот, – сообразила Йорка, протянув табличку. – Мы внизу.

Номера незнакомые. Скользнул ниже. Три последние номера – наши. Откуда подобная информация у городских? Им докладывает система? Сомневаюсь.

Кто еще может знать номера тех, кому выдали задание по доставке блоков?

А что тут думать – наши номера обязан знать тот, кто эти самые блоки отдает выбранным для задания. Тот, чей номер указан в тексте нашего задания:

Важные дополнительные детали: Получить блок у первого участка 30-го магистрального коридора у **шестьдесят третьего** во временной промежуток с 07:00 до 10:00

Шестьдесят третий. Это ты крыса, сдающая информацию налево? Ты самый очевидный вариант. Едва подумал об этом – и мы покинули тридцатый магистральный, оказавшись у начала Гиблого Моста.

Что ж – мы на месте.

Искать шестьдесят третьего не пришлось. На стальной полосе Гиблого Моста стояло нечто, что с огромной натяжкой можно было назвать самоходным вагоном, жестоко изуродованным вандалами, а затем изукрашенным безумными граффити. Стекла выбиты, освещение демонтировано. Жалкий остов на восьми стальных колесах, покрытых не слишком толстым слоем пластика.

Перед вагоном, широко расставив ноги, заложив левую руку за спину, стоял мужик в длинном кожаном оранжевом плаще. Черные штаны, красная футболка, красная бандана, брутальная небритость, на груди золотое украшение на толстой цепи – «63». На переносице солнцезащитные очки в металлической оправе. Правая рука ходит вверх-вниз – мужик ловко подбрасывает и ловит пару больших таблеток. Красную и синюю.

– Избранные для доставки? – деланно скупающе спрашивает он

– Избранные. – киваю я и бросаю короткий взгляд на таблетки. – А что? Предлагаешь сделать выбор, что ли? Съем синюю – ты дашь мне блоки, и мы расстанемся. Съем красную – и перед тем, как отдать нам блоки, ты признаешься, что сдал наши номера тем тварям, что собираются устроить на нас охоту?

Рука вздрогнула. Таблетки пролетели мимо ладони и упали на пол. Синяя осталась лежать. Красная же, встав на ребро, прокатилась до края Моста и сорвалась, упав в Стылую Клоаку.

– Вот и нет больше выбора. – улыбнулся я.

– Ты что несешь?! А? Гоблин!

А сколько гнева в ревушем голосе. И сколько испуга... неожиданного и постыдного. Такой неловкий испуг испытывает взрослый мужчина, перепугавшийся внезапно выскочившей из подворотни собачонки.

– Чего так испугался-то? – продолжаю я улыбаться. – Ты будто седой дедуля, пойманный внучкой за рукоблудием во время просмотра комедии «Старые стервы в раю».

– Что несешь?!

– Блок давай. – буркнул я, убирая улыбку и оттягивая ворот футболки. – Номер одиннадцатый. Блок мне!

– Ты не сильно рот раз...

– Блок давай! – рявкнул я, глядя на мужика с нескрываемым отвращением. Так смотрят на вывалившееся из пакета собачье дерьмо.

– Ты это...

– Отказываешься дать блок? – прервал я его и поднял лицо к потолку.

Прямо над нами висела огромная покосившаяся полусфера системы.

– С-сука! Я тебя запомнил! Сейчас принесу!

– Три блока! – добавил я, и Йорка с Баском продемонстрировали номера.

Шестьдесят третий глянул на номера, круто развернулся и утопал, чеканя каждый шаг черными ботинками. Держится грозно. Держится серьезно. Вот только это не так – очередная пешка в ярком оранжевом плаще. Пешка удивительно неплохо зарабатывающая и, судя по куче признаков, находящаяся на хорошем счету у ничего не подозревающей системы. А ей бы стоило озаботиться подозрениями – эта тварь в ярком плаще подставляла и ее, и простых работяг, старающихся выжить и заработать на черный день.

Шестьдесят третий сраный номер не может не знать – система не прощает провала заданий. Не доставил блоков – получи откат статуса! Был полуросликом? Вернись к оркам! Был орком? Тебе пора в гоблины. Был гоблином? Тебе облегченку, за которую почти ничего не платят. Наверняка уже не раз и не два из-за этого упыря немало честных работяг похерило свои планы, кого-то искалечили ни за что, кто-то, может, и вовсе был убит – что на Украине стоит жизнь гоблина? Ничего.

Если это просто чмо в ярком, то где серьезные фигуры?

А они за нашими спинами. Тут и гадать не надо. Та шестерка городских, что прибыла заранее, и, соря деньгами, сытно поужинала в Веселом Плуксе. Следом они поискали жирного Джонни, но нашли лишь остатки его вони и пару наверняка не слишком добрых посмертных слов. Вроде – наконец-то этой твари перехватили глотку. Свято место пусто не бывает. И на место Джонни попросился мечтающий о карьере Барс с верной подругой Буксой. Он вполне неплохо справлялся со своей ролью, нагнетая страх, угрожая, убеждая, создав надежный блок-пост в тридцатом и готовясь пропускать особо упорных с заранее уговоренным интервалом.

Интервал – вот важнейший момент этого стопроцентно рабочего старого успешного плана.

Небольшая группа берет три блока и торопливо тащит их несколько километров по дорогам и тропам. Часть пути им в любом случае придется проделать по сумрачным зонам. Почему? Из-за временного лимита, установленного самой системой и неплохо укорачиваемого этими жадными и хитрыми упырями. Система сама себе подосрала, определив на задание временной лимит.

Возможность получить блоки в семь утра и иметь целых пять часов для их доставки?

Хрен вам, гоблины! Этого не будет!

Джонни, а теперь занявший его место Барс, продержит вас на перекрестке часа три. У него в потной ладонке список номеров. Сверяясь с ним, часть «несунов» он морально и физически попрессует, заставит взять блоки и тут же отдать за углом. Согласятся на это не все. Систему бояться. Статус терять не хотят. Кто-то обязательно устоит. Скажем – процентов пятьдесят. Что ж – не проблема. Барс сделает, что может, а затем неохотно пропустит всех – но с интервалом.

И вот благодаря всем этим задержкам ты получил блок в десять утра – у тебя всего два часа на доставку. Тут ты уже не сможешь особо выбирать маршрут, и тебе не удастся пройти одними только светлыми безопасными тропами. Так или иначе, но по одной из тропок смерти пройти придется. И вот там-то тебя, дружок, и будут поджидать злые городские дяди с большими ножами. Убивать? Да зачем? Увидишь нож – и, предварительно шумно обделавшись, протянешь блок и попросишь лишь об одном – дайте уйти, пожалуйста. Боязнь потерять статус не сравнится со страхом смерти – последняя всегда побеждает, ведь она окончательна. А статус всегда можно восстановить долгим и упорным трудом.

Вот и весь план.

Собрав максимальное количество загадочных блоков, городские убывают обратно, унося богатую добычу. Учитывая, как щедро они разбрасывались солами в Веселом Плуксе – ради дешевой мелочи их дергать бы не стали. Блоки стоят дорого. Может, даже *очень* дорого. И вот это уже интересно.

А еще я впервые за все время, проведенное на Окраине, ощутил смутно знакомый холодок под глазами. Будто мне к щекам приложили два куса сухого льда. Это ощущение бодрит, говорит о том, что в этот раз опасность достаточно серьезна.

Мудило в оранжевом плаще вернулся уже в роли бурлака. Притащил на веревке пластиковый лист с тремя достаточно внушительными прямоугольными блоками. Смотрящая в потолок сторона окрашена в красный цвет, сбоку торчит кусок широкой и толстой пластиковой предохранительной ленты. Шагнув, прошел впритирку с шестьдесят третьим, попутно смерив его настолько брезгливым и глумливым взглядом, насколько сумел передать. Нагнувшись, приподнял.

Килограмм двадцать пять. Вес, подходящий для переноски в одиночку. При условии, что в наличии имеется рюкзак. У нас они имелись у всех троих.

– Загружаем в рюкзаки. – коротко и спокойно бросил я, глянул назад.

Другие группы медленно приближались. Отлично. Махнув им рукой, крикнул:

– Давайте быстрее, гоблины! Поезду пора отправляться! Живо, живо! Андиаммо, орки, андиаммо!

– Ну ты и дурак. – подал голос, пришедший в себя шестьдесят третий. – Тупорылый ты гoblin. Не представляешь, в чьи дела вмешиваешься, чью схему ломаешь. И меня ты зря задел, урод. Пожалеть заставлю.

– Ты меня? – рассмеялся я, подступая к нему вплотную. – Знаешь, в чем между нами разница? Нет? Я поясню – ты тот, кто старается выглядеть серьезным и крутым. Следишь за словами и одеждой, ходишь важно. А я... я просто безумный гoblin, которого тебе, дерьма кусок, лучше не задевать. Потому что в отличие от тебя мне плевать на то, что будет дальше – пронзи меня пятью кольями, я все равно буду рваться к твоей глотке. И перед тем, как сдохнуть перегрызу ее! Схема? Я ломаю чужую схему? Это вы ломаете схему системы! И она единственная в этом гнилом мирке, кто, как я вижу, не действует исключительно ради своей выгоды. Ты гребаная городская сука, пытаешься помешать доставке каких-то важных блоков на Окраину. И тем самым ты и те, кто потрачивает тебя каждый день в задницу и шлепает по пухлым щечкам, творят великую беду! И когда из-за ваших трахнутых схем на Окраине случится что-то действительно плохое – вас в городе это не коснется. Пострадает только Окраина. Не так ли, дерьма кусок? Кстати – в этом плаще ты выглядишь как позолоченный кусок жирного дерьма. Таков твой стиль?

– Ты пожалеешь! – прохрипел мужик.

– Нет. – покачал я головой. – Не пожалею. А вот ты – да. Сейчас, жирный ты ублюдок, молча и быстро раздашь всем блоки. Не забывай – система смотрит на нас. Оценивает твою расторопность. Подведешь ее – и в следующий раз выгодное задание получит кто-то другой. Живо!

– Ты...

– Заткнись! – рявкнул я и он осекся, подавился следующим словом.

Я повернулся к другим группам:

– Разбирайте и грузите в рюкзаки блоки! Те, кто хочет донести их до цели и выполнить задание, пусть через пять минут будут у начала тридцатого магистрального. Через пять минут! Никого ждать не будем. Если этот кусок дерьма в плаще цвета мочи будет стараться вас задерживать – машите полусфере, что над вами, указываете на промедление. Он постарается вас напугать своим хриплым грозным голосом. Не верьте и не бойтесь! Он никто.

Загрузив блок в рюкзак, вскинул на спину, пару раз неглубоко присел, наклонился. Нормально. Несколько километров вполне можно пройти. Но все же рюкзачные лямки слишком узкие. Придется переделать и жаль, что не сделали этого раньше. Протолкавшись через вялых гоблинов, вывел группу к началу тридцатого коридора. Выжидающе глянул на команду. Досчитал до трех. И Йорку прорвало.

– Оди! Ты... не хочу ничего такого, но...

– Йорка!

– Да!

– У нас в группе не должно быть ломанных скромных голосков, когда дело касается всех. Никакой стеснительности и робости. Никаких покашливаний и заходов издалека. Это приводит к беде! Сначала мямлишь, затем ведешь за моей спиной странные разговоры, а следом уже недоверие, заговоры и развал всей группы – причем в самый для этого неподходящий момент. В результате все мучительно погибают. Поэтому! Если есть что сказать – говори напрямую! А чтобы было легче – начни со звонкого оскорбления, переходящего в вопрос. Пример: «Оди! Гоблин ты трахнутый! Что творишь?!». Попробуй.

– Оди! Гоблин ты трахнутый! Что творишь?!

– Ты про что? – осведомился я.

Йорка ткнула рукой, указывая на скрытого группами мужика в оранжевом плаще:

– Зачем нарываешься с ним? Он ведь городской. Крутой! Скажет слово – и нам крышка!

– Он крутой? Ну нет. Это просто извозчик. У него такое же задание по доставке блоков, как и у нас. В свое время на него надавили, подбросили немного денег, и он вдруг начал и себя считать крутым. Если я вдруг грохну этого придурка – его просто заменят. И никто даже не озаботится тем, чтобы отправиться на Окраину и найти гоблина-убийцу. Было бы ради кого напрягаться. А вот кого нам стоит бояться – так это тех шестерых волков, что засели где-то на сумрачных тропах и ждут свои жертвы.

– Согласен. – сказал Баск. – Я не видел, но слышал. У этого типа с вагона голос овцы. Старается быть крутым. Но не получается. Оди прав. Забудь про овцу, Йорка. Думай про волков. Оди...

– М?

– Я не знаю тех тропок. Провести смогу километра два еще. А дальше уже никогда не заходил. И не расспрашивал никогда про те места – незачем было. Расписания полусфер не знаю...

– А нам и не надо знать. – хмыкнул я.

– Точно! Расспросим гоблинов! Тех, у кого такие же задания. Кто-то же должен знать.

– Им тоже не надо знать.

– Почему? – удивленно спросила уже успокоившаяся напарница.

– А никому не надо знать. – ответил я и, не став наводить тумана, предложил: – Смотри на потолок, Йорка. Ладно Баск. Но ты-то чего? Что над Гиблым Мостом?

– Ну... Мать смотрит... кривовато висит большая полусфера...

– Висит неподвижно с тех пор, как мы здесь. – дополнил я. – А вчера полусфера моталась над каньоном. Смекаете?

Тишина...

– Системе действительно важен успех этого задания. – пояснил я. – Сами посудите – тут ведь старая схема. Раз за разом эти городские упыри являются сюда, проворачивают тут свои схемы, мимоходом ломая чужие судьбы. А система не получает блоков – или почти не получает. Кто-то ведь должен проскакать с грузом через их заслоны – может, два-три блока из двадцати. Но этого критично мало. И вот он результат – система не сводит с нас глаз. По этой же причине втягивающие нас в свой план городские волки пытаются разделить нас на мелкие группки. Почему?

– Легче справиться? – предположил Баск. – Нет... что с гоблинами справляться? Прикрикнул – и они уже все отдадут. Система?

– Маршруты и полусферы. Баск, у тебя в голове карта. Вот с этого места до родной семнадцатой кляксы сколькими маршрутами мы сможем дойти? Навскидку?

– Двадцать-двадцать пять путей. – уверенно ответил зомби Баск. – Сеть дорожек и тропок. Главное, знать какой коридор куда ведет.

– Вот на этом они и играют. – улыбнулся я. – Они волки. И поведение у них волчье. Знаете, как волки атакуют стадо?

– Как?

– Никак. Волки не дураки. Сначала они стадо разделят. Затем выберут самого слабого и медлительного – и атакуют разом. Сожрут. И опять отправятся следом за стадом. Если стадо не хочется разделяться – они будут гнать его вперед до тех пор, пока кто-то не отстанет. Так же и здесь. Волки заранее запугивают овец и разделяют их. Потом устраивают овечьи забеги – гоблины с блоками мчатся разными маршрутами к цели, а им остается лишь так хитро перехватывать их, чтобы, забрав добычу у одной группы, успеть перехватить и следующую. Отсюда интервалы – гоблинов-овечек выпускают с промежутком минут в пятнадцать-двадцать самое меньшее. Атаковать начнут далеко не сразу – выждут, когда все группы разбредутся по разным тропкам. Это ключевой момент – система не сможет наблюдать сразу за всеми. Каждая группа в какой-то момент окунется в сумрак, окажется на тропе смерти. За редким исключением. Кому-то все же может повезти. Но сегодня эта схема больше не работает – я ее сломал. А минут через десять – мы вместе доломаем ее остатки.

– Что надо делать? – деловито осведомился зомби.

– Объединять и направлять. – с улыбкой ответил я. – Стадо в едином порыве – грозная сила!

Сообразив, Йорка оглянулась.

К нам медленно стекалась толпа работяг, что уже успели нагрузиться блоками. Все в сборе. Вместе с нами – двадцать рыл. Итого – двадцать блоков.

– Отлично! – широко улыбнулся я стаду. – Сейчас я скажу вам, что надо сделать, чтобы доставить блоки и сдать задание! Одно правило! Я говорю – вы делаете! Кто против – пусть уходит прямо сейчас!

Выждал... никто не двинулся с места.

– Класс. – улыбнулся я еще шире. – Начинаем! Всех прошу стать ближе друг к другу! И побыстрее! Отправление грузового состава через пару минут!..

– Пока все спокойно. – прошептала догнавшая меня Йорка.

– Влейся в толпу, неугомонная, – сердито проворчал я. – Не выделяйся из общей массы.

– А ты?

– А я типа оленя с роскошными ветвистыми рогами держусь на виду.

– И ведешь стадо. – хихикнула девушка.

– Выполняю роль приманки и стрелковой мишени. – поправил я ее. – Пихайся обратно в толпу!

– Ладно. Ты держись, Оди. Осталось немного.

Она замедлила шаг. И через мгновение ее поглотила шагающая следом за мной небольшая толпа. Второй час неспешного путешествия. До цели меньше километра, если верить настенным указателям.

Чужая схема сломана.

На Йорку я ворчал острастки ради. Сейчас уже нет ни малейшей выгоды на нас нападать. Разве что из мести. Но смысл подвергать себя такой опасности ради мести? А риск огромный. Плотной толпой, этаким хорошо груженным пушечным ядром, мы пошли самым корот-

ким маршрутом от тридцатого магистрального к двести четырнадцатому коридору двадцать седьмой зоны. Первый час я взвинтил скорость группы, окриками заставив шагать быстрее – полтора-два шага в секунду. На этой скорости мы проскочили первую треть пути, чуть замедлившись, преодолели вторую треть, еще чуть замедлились и спокойно дожимали оставшиеся метры. И все это время над нами неотступно висело «око божье» – система не ослабляла наблюдение, ведя полусферу точно над центром груженного блоками отряда. В конце каждого коридора нас уже ожидала новая полусфера. Так нас передавали по цепочке от ока к оку. И это еще не все – в соседних коридорах тоже висели «люстры».

В такой ситуации есть лишь один вариант захвата блоков – закрыв лица масками, начать атаку. Но... тут тотальный контроль, и я буду очень удивлен, если однажды выяснится, что в каждом из нас не сидит по одному-два, а то и три идентификационных чипа. Хотя я бы всаживал по чипу в каждую конечность – они принадлежат системе, а она за своим добром следит пристально. Попробуй с гарантией заблокировать сигнал каждого чипа. Разве что с головой обернуться фольгой?

Опять же – заглушить возможно любой сигнал. Были бы технические средства. Вот только – а были ли готовы «волки» к такому варианту развития событий? Прихватили с собой все необходимое? Вряд ли. Они не ожидали от «овец» подобной наглости и слаженности.

Сегодня волки в полете. Даже странно, что из дальних коридоров еще не доносится озлобленный голодный волчий вой.

А вот и стрелка к двести четырнадцатому. Последние сто метров. С гудением над головами повисла дополнительная полусфера, и под двойным приглядом мы свернули в нужный весьма необычный коридор. Короткий, но очень широкий. Добавить еще пару стен – и получится целый зал. С жадным лязгом в одной из стен одно за другим открывались отверстия. Сняв рюкзак, вытащил блок, стараясь не напрягать левый локоть. Опустив на пол, выдернул удивительно длинную пластиковую ленту. Снова поднял тяжелый блок и ощутил, как он начал нагреваться. Стремительно нагреваться! Руки начало припекать сквозь перчатки уже через несколько секунд. Поспешно шагнув к стене, наклонил блок и красной стороной вставил в отверстие. Дожимать не пришлось – он втянулся сам. Система жадно проглотила подарок и защелкнула крышку. Я отошел. Через полминуты ко мне присоединились остальные члены группы. Не обращая внимания на все усиливающийся радостный гомон толпы и не дожидаясь благодарностей, ткнул своих в плечи, направляя в соседний коридор. Отвел шагов на десять, оглянулся. Важное задание выполнено. Система один за другим глотает блоки и захлопывает крышки.

– Куда сейчас? – не скрывая довольного выражение лица, спросил Баск.

– Шестнадцатая клякса неподалеку. – ответил я. – Передохнем там.

– Мудро. – кивнул зомби.

– Уф! – сердито и одновременно облегченно произнесла Йорка.

В сегодняшнем веселом шоу волки проиграли с разгромным счетом. Двадцать-ноль в пользу овец.

Волки наверняка сейчас от злости лезут на стену...

Баланс: 15.

Глава вторая

Текущее время: 10:40.

Новости разлетаются быстро.

Мы успели добраться до шестнадцатой кляксы и усесться за ближайший свободный столик, но не успели и ноги вытянуть, как едва не пришлось подскочить от раздавшегося громкого и предельно перевозбужденного вопля вбежавшего в зал запыхавшегося гоблина:

– Слушайте! Слушайте! Рядом с Веселым Плуksom орка кончили! Барсом кличут. Его же собственная девка и пришила! Он только из медблока выполз – а ему бац! Шилом в глаз! У всех на виду! На глазах Матери! Тот орет! А девка его продолжает шилом колотить! Раз за разом! Раз за разом! Он упал – а она что-то орет и продолжает его колотить! Потом встала – и к тридцатому-магистральному! Вся в крови! Страшная! До Гиблого Моста дошла точно. А куда дальше делась – неясно. В Дренажтаун рванула? Ну не в Зловонку же! И не в Клоаку... хотя говорят, она так психануто выглядела, что вполне могла и в Клоаку спуститься на неадеквате! Такие вот новости! Свежие! Горячие! Бежал два километра, считай! Гоблины! Орки! Отсыпьте крошек пищевых в ладонь! Не жмитесь!

Легко выдержав пристальный взгляд Йорки и не моргнув при виде немого укора пустой глазницы Баска, буднично спросил:

– Перекусим перед патрулем? Надо бы – в этот раз целых три часа бродить по двадцать девятому. А я уже, если честно, проголодался.

– Э-э... – сориентировался Баск. – Надо бы! По пищевому кубику? И бутылки бы водой пополнить, да шизы в них растворить. Вперемешку с красным фруктом – идеально заходит! Я вот рецепт знаю – таблетка шизы и полтаблетки фрукта. Не так сладко получается.

– Так! – мрачно произнесла Йорка. – Оди...

– Опять зайдешь с трахнутого гоблина? – предположил я мирно, медленно осматривая окружающие нас столики и народ, сидящий за ними.

Клякса как клякса. От нашей ничем не отличается. Даже гоблины, такое впечатление, те же самые – просто перебежали сюда перее нас.

– Нет, лопнуть и сдохнуть. Просто и мирно спрошу. Вот та конченная сука, что кровь и слезы по щекам размазывала – ее вроде как Барс тебе отдал после твоей дружеской просьбы...

– Дружеская просьба и шипы в яйцах – лучше, чем просто дружеская просьба! – вставил оживившийся Баск.

– Она ведь слышала, – продолжала Йорка, врезав кулаком по плечу зомби, – слышала, как ты ее себе потребовал. А Барс отдал! Отдал! Потом ты сказал ей еще пару слов, и мы ушли. И вот итог... смертельный итог...

– В чем ты меня обвиняешь? – с нескрываемым удивлением спросил я. – В том, что по твоим же словам конченная сука испортила себе жизнь, убив конченого козла, а мы при этом не запятнали рук кровью? Так разве это не здорово? Пусть режут и грызут друг друга, напарница. Пусть льют свою кровь, а не нашу. Не жалей их. Не переживай за них. Ты всегда должна помнить главное.

– И что же это?

– Такие, как они, ничего не забывают и ничего не прощают. А тебе их жалко?

– Нет! Плевать я на них хотела! Просто нехорошо как-то получилось... твои ведь слова повлияли. Она убила Барса из-за твоих слов.

– Нет. – покачал я головой. – Ты не права. Просто Барс оказался не мужиком, а размазней с низеньким болевым порогом. Понимаешь? Букса – баба! Звероватая и жестокая, но баба! А бабы в своих мужиках в первую очередь видят утес! Скалу, что защитит их от любой непогоды, от любой беды! Скалу, за которой всегда можно спрятаться и чувствовать себя там в полной

безопасности! Они верят – их мужик за них жизнь отдаст без раздумий! Насаженный яйцами на мою дубину Барс должен был плюнуть мне в лицо и прорычать: «Пошел ты, с-сука! Это моя женщина! И только моя! Давай! Убивай! Хоть яйца мне выверни! Но ее – не отдам! Мое!» Вот слова настоящего мужика! И услышь я такие слова – тихо бы и аккуратно вытащил шипы из его пронзенных яиц, дал бы ему разок в печень шилом и молча бы ушел! Но что случилось на самом деле? М? Йорка, чего смотришь в стол? Чего молчишь? Что случилось на самом деле? Что там проскулил Барс, ерзая мошонкой по моей дубине?

Тишина... Понурившаяся, странно съежившаяся Йорка согнулась, смотрит в столешницу. За нее ответил Баск:

– Он сказал – бери.

– Да. – кивнул я. – Он взял и отдал свою женщину. Вот поэтому она его и убила. Потому что ее скала оказалась не скалой, высящейся до небес, а глубокой ямой, заполненной кислым дерьмом! Уф!..

Сделав пару глубоких вдохов носом, выдыхая через рот, быстро успокоился. Убрав из голоса рычащие нотки, позвал напарницу еще раз:

– Йорка. Чего замолчала?

Молчит... и снова за нее ответил зомби:

– Она плачет. Я слышу.

– Так... – после короткой паузы, произнес я. – Чудится, что не из-за моих слов ты рыдаешь, девица красная, да? Что-то вспомнилось и ненадолго боец расклеился?

Не поднимая лица, Йорка часто закивала.

– Оставить тебя на пару минут одной? А мы пока за едой сходим.

Еще пара кивков, затряслись плечи, она зябко обхватила себя руками, уже не сдерживаясь, шмыгнула носом.

Женщины... что ж у вас все так на эмоциях завязано?

– Я посижу с ней, командир.

Кивнул, вспомнил, что он не видит, продублировал голосом:

– Хорошо. Принесу. Спешить не буду. Успокой ее.

– Сделаю.

– И не забывай ловить обрывки чужих разговоров и сплетен.

– Это само собой! Так и выживал раньше – чего-нибудь услышу, порой и пригодится.

А иногда новости пересказывал – за пищевые крошки. Хотя бывало, что в руку плевали или выбивали уже собранное.

– И знаешь, кто именно так с тобой поступал? – любопытствовал, вставая.

– Знаю.

– Слышал когда-нибудь – надо не таить зла и прощать?

– Ага.

– Так вот – это полная туфта. Не прощай зла никогда! Воздавай вдвое! За добро – добром. За зло – злом. Запомнил?

– Еще как... да и, если честно... забыть не получается... трудно забыть, когда ползаешь по полу и собираешь выбитые крошки, а тебя пинают... комментируют, что с таким задом мужику опасно – могут и трахнуть за углом. Я... я не забыл, командир.

– Одобряю и поощряю твою злопамятность. Сейчас буду.

Когда уходил, Баск обнимал Йорку за плечи. Сидят как птички мрачные бок о бок и молчат. Пусть молчат. Нестрашно. Я знаю – они сильные. И вскоре придут в себя. А если ненадолго позволили себе окунуться в горькое прошлое – так это только к лучшему. Злее будут в настоящем и будущем.

Покупая три стандартных пищевых брикета и две бутылки воды – прощайте пять слов – смотрел на высокий потолок кляксы. На большую полусферу, величаво перемещающуюся под ним.

Почему?

Почему здесь творится подобное, система?

Почему ты, по большей части, ограничиваешься ролью почти беспомощного наблюдателя?

Не так. Все не так в этом мире.

Убрав покупки в рюкзак, приобрел два черных шейных платка. Как кольнуло что-то, и я внимательно просмотрел вещевой ассортимент торгспота. Черных футболок не обнаружилось и здесь. Зато имелась в продаже бордовая футболка – а у нас ее не было. Странное снабжение или же что-то вроде лотереи с игровой составляющей. Как часто обновляется ассортимент?

Баланс: 8.

Платки пошли на обмотку рюкзачных лямок, проложенных согнутыми вдвое пластиковыми заглушками из тех загадочных блоков. Обматывал быстро, но тщательно, выглаживая пальцами каждый виток. Закончив, осмотрел результат, накинул лямки на плечи... отлично. Совсем другое дело. Пластиковых предохранительных лент у нас хватает – я успел подобрать штук восемь с пола, когда толпа работяг принялась лихорадочно завершать задание. Позднее заставлю Баска и Йорку модернизировать свои рюкзаки. Вроде мелочь. Всего-то лямка узковата. Но стоит прикоснуться к моему плечам – и я ощущаю боль в местах, натертых и продавленных узкими лялками. В таких делах мелочей не бывает.

Назад пошел другим путем. Двинулся по периметру, нагружая и без того усталые ноги – восстанавливаться не успевают пока, еще не вошли в кондицию. Поступаю глуповато, но любопытство гонит вперед. Всегда полезно узнать что-то новое – или хотя бы поискать новизну. Оглядывался, прислушивался, оценивал. Обычная клякса. Вся Окраина разбита на коридоры, зоны, блоки и кляксы. Все стандартно. Здесь даже столики расположены так же, как в КЛУКСе-17.

Идя мимо жилых «игл», практически рядом с каждой видел скучающего охранника. Звенья, бригады, пара-тройка живущих бок о бок групп – все стараются обособиться, отгородиться, застолбить свою территорию. Все как везде. Разве что здесь потолок чуть повыше. Кажется? Нет... на самом деле выше – метра на полтора. Шестнадцатая клякса – если судить по номерам и по разнице в дизайне – строилась раньше. Высота потолков доказывает это. Сейчас мы находимся в более старой части Окраины. А если добраться до КЛУКСа-1 и окружающих его коридоров? Как они выглядят?

А эти чем заняты?

В этой части кляксы из пола поднимались «лежбища» – отдельные теплые выступы. Удивительно, но на них имелось эластичное на вид покрытие. Лежбища сплошь покрыты зомби. Безрукие, одноногие, они лежат, сидят, стоят, лениво переговариваются, хрипло смеются, чешутся. И нет-нет, поглядывают на расположенный напротив странно вогнутый участок стены. Между лежбищами и участком стены в ряд расположены еще выступы – тонкие, длинные. Остановившись, внимательно хорошенько взгляделся. На меня никто не обращал внимания. Все заняты тем же, что и обычно – ничем. Через пару минут я осознал, что именно видят мои глаза.

Сцена, скамейки, позади – лежбища.

Некогда, уж не знаю сколько десятилетий назад, здесь была утопленная в стену достаточно вместительная сцена. Хочешь – декламируй, хочешь – танцуй или показывай спектакли. В глубине сцены две наглухо заваренные двери по краям. Входы в гримерки. Задник сцены – обычная металлическая стена. С рисунком. Его остатками, вернее. Но этих цветных фрагментов достаточно, чтобы суметь понять, что здесь было изображено раньше.

Удивительно неплохая сохранность.

Удивительная картина...

Большая группа машущих руками белозубо улыбающихся мужчин и женщин. Мужчины коротко стрижены и чисто выбриты. Женщины... прически разные, от ультракоротких мальчишеских до доходящих до пояса волос. Примечательная одежда – примерно половина одета в рабочие разноцветные комбинезоны, держат в руках гаечные ключи, молоты, прочие простейшие инструменты, уже знакомые мне стальные блоки. Остальные в гражданской обычной одежде – штаны, шлепки, кроссовки, кеды, футболки и майки, цветные яркие бейсболки, на женщинах милые топики, ленточки в волосах. Каждый что-то держит. Книжки, теннисные ракетки, мячи волейбольные, футбольные и баскетбольные, клюшки от минигольфа...

Надпись... снизу длинная надпись, что пострадала сильнее всего. Не прочтешь ни слова. А вон там что-то на стене под изображением. Черный прямоугольник. Сенсор? Вряд ли – слишком большой. И слишком низко расположен.

На сцене почти никого – подойдя и прикоснувшись, понял причину – ледяная. Металл есть металл. Помню, как болели и стыли ноги, пока не обзавелся шлепками. Поэтому мало желающих сидеть на сцене – только те, кому не хватило места на теплых выступлениях. Запрыгнув, подошел к изображению, присел. Это не сенсор. Это приваренная табличка с едва различимыми выбитыми словами.

«Репродукция настенного изображения из КЛУКС-1 «Добровольно низшие? Счастье в работе и досуге!»

Хмыкнув, отошел, спрыгнул со сцены, глянул на ближайшего зомби с единственной конечностью – левой рукой. Зомби недобро пялился на меня, часто облизывая потрескавшиеся губы. Обрадованно спросил его:

– Счастлив в досуге и работе?

– Пошел нахер, гнида! Сдохни! – в довершение тирады он еще и плюнул, но плевок не долетел, упав ему же на впалый живот. – Сдохни!

– Счастья особо не заметно. – подытожил я, посмотрел еще раз на сцену и продолжил экскурсию. – Добровольно низшие счастливы в работе и досуге... что же это за хрень тогда творится вокруг?

Мне вслед донесся хриплый глас оплевавшего себя зомби:

– Эй! Дай чего-нить! Глоток воды. Пищевой брикет лизнуть хотя бы... эй!

Обернувшись, смерил его долгим взглядом и пошел дальше. Через шаг остановился, опять обернулся, услышав женское причитание. К однорукому, но безногую, прыжками передвигалась одноногая и однорукая растрепанная женщина:

– Ковшик, ты не переживай. Я сегодня отыщу чего-нить... Заработаю! Я еще ничего так с виду – мужики смотрят. Мне бы сполоснуться... а то брезгают... но я заработаю! Ты не переживай!

Отвернувшись, зашагал дальше. Чем еще удивит чужая клякса помимо картины? Через двести шагов убедился – больше ничем. Те же зомби, гоблины, орки и полурослики. Все заняты вопросами ежедневного выживания. Никто не напоминает даже отдаленно тех улыбчивых и счастливых добровольно низших с репродукции.

Вернувшись к своим, застал их улыбающимися. Почти как на картине! И меня встретили улыбками. Оценив их моральное состояние, удовлетворенно кивнул, вручил каждому пищевой брикет, поставил на всех одну бутылку воды.

– Извини, Оди... – Йорка снова опустила взгляд. – Сорвалась что-то... расклеилась...

– У всех бывает. – спокойно ответил я, принимаясь за обед. – Ешьте. Нам скоро выдвигаться на «Патруль». И еще...

– Еще? – приподнял голову вгрызающийся в брикет зомби.

– Завтра прогуляемся по Гиблomu Мосту и наведаемся в Дренажтаун. – максимально буднично сообщил я. – Завтра после обеда, как только выполним все задания. В семнадцатую кляксу ночевать не возвращаемся – чтобы система выдала следующие задания как можно ближе к району тридцатого магистрального коридора.

– А что в Дренажтауне? – осторожно спросила Йорка.

– Понятия не имею. – пожал я плечами. – Просто хочу расширить кругозор. Как я слышал, местные полурослики и орки побогаче часто навещают в верхний квартал Мутноводья. Верно?

– Бор-р-рдели. – звонко выговорила девушка. – Их там полным-полно! Еще места вроде Веселого Плуksа. Сама там не была, рассказней много слышала.

– Как и я. – поддержал ее Баск.

– Сделаем вылазку, осмотримся, прощупаем почву. Выспросим про чудеса глазной хирургии. Оценим ассортимент тамошних торговых автоматов. И глянем как там в целом. Чем живут, чем дышат, о чем мечтают.

– Дерьмом они дышат. – поморщилась Йорка. – Оди! Это Дренажтаун! Первое, что слышишь от того, кто там побывал – вонь! Мерзкая вонь! Второе, что слышишь – полумаски!

– Полумаски? Которые от пыли защищают? – уточнил я с интересом. – Рабочие защитные маски? Как их... респираторы?

– Ну, да, наверно... там их носят все и постоянно. Но не от пыли – от вони защищаются. Вроде как фильтры специальные в респираторах, ароматизаторы и что-то еще. Многие очки носят вместе с респираторами. А некоторые – противогазы! Без полумасок... тьфу... без респираторов туда ходить не стоит. И одежду лучше надеть ту, которую не жалко выбросить. А то вонять почище червей будем. Но выглядеть надо достойно... придется идти в черных футболках и штанах. Потом отстираем от вони!

– Да ты оживилась. – заметил я.

– Город. – развела руками Йорка.

Мы с Баском синхронно кивнули. Город. Как много в этом слове. Особенно, если ты гоблин с Окраины.

– Доели, бойцы?

– Йесть!

– Так точно.

– Тогда двинули. – скомандовал я, поднимаясь первым и завинчивая недопитую бутылку. – Три часа патрулирования. Сразу предупреждаю – быть настороже. Мы сегодня многих волков без мяса оставили. Так что по сторонам поглядывайте. Баск – ну ты понял.

– Да. Слушать в оба уха и эхолот на полную.

– Как живот?

– Чешется.

– Вот это уже хорошие новости. Выдвигаемся! О... еще одна новость – система подкинула работенки.

– Что за работа?

– Что делать, командир?

– Даже смотреть не стал пока. – скорчил я усталую рожу. – Закончим патрулировать – там и глянем. Одного прошу, сам не знаю у кого, – лишь бы не сбор серой слизи...

– Есть задания и погрязнее. – уверила меня Йорка, и ее аж передернуло всю.

– Подтверждаю. – горько вздохнул Баск, и его тоже передернуло.

– Даже спрашивать не стану. – решил я.

– И правильно, лопнуть и сдохнуть! Этого лучше не знать!

Патруль проходил без происшествий, но при этом с большим толком. Эти часы несли свои плоды каждому из нас – помимо солов. Йорка упорно отработывала связку ударов, Баска корчил жалостливые рожи и бил шилом, делая это на коротких остановках и на узких безлюдных тропках. Не выкладывать же все козыри. То, что Йорка удары отработывает дубиной – это чужого внимания почти не привлекает. Сначала удивлялся чужой безразличности на факт того, что пыхтящая девчонка машет шипастой дубиной в коридоре, потом понял – боевых групп, регулярно сталкивающихся с плуксами, на Окраине хватает. И для них тренировки не редкость, а ежедневная обязательная рутина.

Кто не тренируется – долго не живет.

Но одно дело отработка ударов по хорошо известному всем силуэту плукса. Это норма. А вот когда слепой парень тычет шилом в шею или живот воображаемому двуногому и разумному, предварительно как бы нащупывая его дрожащей ручонкой... вот тут уже у гоблинов вопросы и подозрения нехорошие возникнут обязательно. Так что зомби тренировался в сумрачных потемках – как классической нежити и положено.

Они тренировались. Я не отставал, давая нагрузку ногам и рукам. Пока что процентов на восемьдесят чисто физическую топорную нагрузку, причем такого рода, что не каждый гоблин поймет. Вот, к примеру, ходьба – все ведь гоблины легко ходят, имейся у них по две исправно гнущиеся нижние лапы. Попроси пробежаться – пробегутся с лентой. Положи на тот конец коридор конфетку в награду – помчатся изо всех сил. Прыгнуть или подпрыгнуть – сделают.

Вопрос в том, как они это сделают.

Смогут они максимально быстрым шагом, на грани бега, преодолеть десять километров, таща за спиной груз под тридцать килограмм, а к финишу не сбить дыхания и иметь еще достаточно сил для боя? Куда там. Не смогут. Я и моя группа, во всяком случае, точно не сможем. И это только пример. Своих ускорением не нагружал, утреннего нервного вояжа с рюкзаками вполне достаточно на сегодня. На нас еще задание патрулирования. Оно тоже высосет немало сил и энергии, нагрузит и забьет мышцы, вселит боль в колени и стопы. Бегом и реальной быстрой умелой ходьбой они займутся позже. А вот я... меня проверить надо...

Я шагал себе и шагал, наблюдая за обучающимися бойцами и стараясь каждый свой шаг сделать другим. Быстрый и короткий, моментально «подтаскивающий» тебя к противнику вплотную. Три коротких шага со смещением в сторону – быстро уйти с линии вражеской атаки, прилипнуть к стене, тут же присесть и наметить стелющийся прыжок над полом. Расслабиться, двадцать метров просто шагать. Вот так... а теперь повернуться боком и сделать десять быстрых приставных шагов. Повернуться другим – и еще десять. Расслабиться... Прислушаться к себе.

Каково физическое состояние? Как отзываются на непривычную нагрузку чужие конечности? Хорошо ли помогают лекарства? Как чувствует и ведет себя левый локоть? Как он реагирует на действительно резкое движение?

Оценивай, гоблин, оценивай.

Точно зная свои текущие способности – знаешь свои текущие возможности. И тут страшней всего переоценить. От этого большая часть бед.

Еще беды часто случаются от беспечности. И боясь ее как чумы, я сканировал взглядом каждый коридор, каждого встречного, не забывая поглядывать на полусферы – тут ли они? Бдят ли? Присматривают ли? Ничего опасного не углядел. Но не расслабился и продолжил наблюдать.

Йорка указала на инфоспот, стоящий в глубоком закутке двадцать девятого магистрального. В том же закутке отчетливо видны следы наглухо заваренных больших окон, имеются две длинные теплые скамейки. Сначала дернулся было с удивлением – окна?! Высота и размеры характерные. Но затем разобрал видимые надписи над окнами и удивление исчезло.

«Хот-доги! Гамбургеры!»

А над вторым: «Свежая выпечка! Кофе! Чай! Напитки».

Еще один явный след на то, что раньше здешние обитатели жили иначе. Они работали, отдыхали, путешествовали по Окраине. Места для прогулок тут хватает – тот же двадцать девятый магистральный кажется бесконечным. Тянется и тянется. У меня большое подозрение, что двадцать девятый является длиннейшим кольцевым коридором, охватывающим всю Окраину.

Постоянно натыкаюсь на следы срезанных ныне крепежей в полу и стенах, даже на потолке. Тут все безмолвно кричит – раньше коридор был переполнен жизнью и движением. По потолку и одной из стен передвигался подвесной транспорт. Идя вдоль стены, обнаружил под ногами остатки старой разметки и рисунок велосипеда. Шагнул в сторону – и встал на рисунок скейтборда, чуть дальше уже почти неразличимо изображение самоката, а вон что-то обрывочное, но можно предположить, что тут было нарисовано моноколесо. Гоблины шаркают и шаркают, затирая остатки прошлого. Но пока, увидев рисунки и разметку, легко понять – давным-давно пол коридора был разделен на неравные полосы с цветными границами. Тут передвигались пешком, на электрокарах, стенном транспорте, велосипедах, сегвеях, моноколесах, самокатах...

Тут бегали спортсмены, степенно прогуливались люди постарше. А когда кто-то уставал и хотел передохнуть или перекусить – к его услугам частые закутки с врезанными в стены окнами. Берешь хот-дог и кофе, садишься на скамью или за столик, смотришь на движение в двадцать девятом, неспешно жуешь. Захочешь что-то почитать – к твоим услугам стоящий рядом инфоспот. С него за небольшую плату можно загрузить на свой девайс свежий выпуск газеты – какую-нибудь «Жизнь Окраины».

Усмехнувшись, хорошенько потряс головой, выбрасывая из головы глупые мечтания о давно сгинувшему прошлом. Встряска помогла – зацепился глазами за едва не упущенное. Прикинув к стене, чуть ли не касаясь носом, изучил едва видимые белые линии. Легко нашел цифру «29-М». Двадцать девятый магистральный. Отойдя на шаг, посмотрел, отступил еще, выставил перед собой ладони, как бы отгораживая большой участок стены и ведя по нему «фокусом».

Уничтоженная временем информационная схема. Карта. И на ней изображена Окраина, примыкающий Дренажтаун и... еще одна Окраина.

Между двумя большими кругами зажат круг вчетверо меньшего диаметра. Наш – если верить цифре «29-М» – левый. Это вполне согласуется с уже имеющимися у меня в голове сведениями. Все правильно. Мы примерно вот тут. Если пойти вниз – «на юг» – то через несколько километров мы окажемся у «30-М», представляющего собой стрелу, исходящую из нашего круга, насквозь проходящую через центральный и заканчивающуюся в границе третьей окружности. Гиблый Мост, судя по схеме, является частью тридцатого магистрального.

– Оди!

– Иду! – оторвавшись от карты, поспешно шагнул к инфоспоту. Ткнул пальцем.

Что даете?

Ничего не дает. Устройство никак не отреагировало на мое касание. Сломано или отключено.

Текущее время: 14:54

Вот и конец обязательного задания боевой категории. Еще несколько минут. До вечернего сигнала окончания работ чуть больше пяти часов. Вряд ли система выдаст дополнительное рабочее задание. А вот боевое... вполне может и выдать. Но лишь бы не экстренное – мы еще не готовы к серьезным дракам.

Еще раз ткнул инфоспот. Никакой реакции. Сенсор молчит. Большой экран-витрина непроницаемо черный, устройство не желает реагировать на прикосновения презренного гоблина. С сожалением отвернулся, шагнул к выходу из закутка.

Тут все и началось.

И началось с добрых слов.

Находясь в глубине закутка, отходя от стены, увидел, как резко остановился идущий по магистралке молодой совсем парень. Улыбчивое веселое лицо, сверкающие глаза, чистенькая белая футболка, темно-синий платок, обрезанные ниже колен синие штаны и синие же сланцы. Выбрит, аккуратно подстрижен. Точно не гоблин. Самое малое – орк. Я напрягся. Чего он остановился? Уронив руку на рукоять дубины, мягко скользнул вперед. Парень же шагнул, входя в закуток, с дружеской улыбкой ткнул правым кулаком в плечо Баска.

– Хе-е-ей! Братуля! Рад тебя видеть! Как дела? Держишься? – голос незнакомца переполнен эмоциями – дружеское участие, легкое беспокойство, волнение, искреннее переживание.

Но не слишком ли сильно он ударил кулаком? Баска развернуло. И... я отчетливо видел мышечную спазматичную волну – зомби передернуло с макушки до пят как от удара электрическим током.

Баск вытянул дрожащую руку. Нашупал плечо собеседника – весельчак сам помог ему, качнувшись вперед и дав коснуться. Ах ты ж... меня продрало морозом от налетевшего осознания, что сейчас про...

Хлоп!

И шило вошло в шею незнакомца. И снова. И снова. Шагнув, Баск обнял захрипевшего парня за шею, потащил на себя, и они завалились в закуток, при этом зомби продолжал долбить шилом с яростью обезумевшей швейной машинки. Подшагнув, подставил правую ладонь под затылок рухнувшего зомби, не дав удариться головой о стальной пол. Парень очнулся от шока, рванулся, начал действовать, и действовать быстро – не смотря на добрый десяток ран. Но вырваться у него не получилось – рычащий Баск бил шилом, держал рукой, обвил ногами, да еще и зубами в окровавленное горло вцепился! Шилом строчит и строчит! Йорка застыла истуканом, изо рта рвется пораженное:

– О-о-о-о-о...

Поняв, что вырваться не получается, жертва разинула рот, кашлянула кровью, выдавила:

– Он еще жив! Жив! Внизу! Под... к-ха!

Зомби не слышит. Зомби бьет и бьет шилом как проклятый.

– Он внизу! Пожалей!

Зомби не слышит. Зомби машет шилом. И умирающий схватился за шило. Вмешиваться не хотелось, но этот невероятно живучий хрен сейчас позовет на помощь и успеет проколоть бок Баску.

«Недохнет, сука. Нож бы лучше. Но и крови больше.» – пронеслось в голове пока я почти без замаха наносил короткий удар дубиной. Парень обмяк, уронил голову, увлекая за собой застрявшую в пробитом шипами затылке дубину, несколько раз дернул ногами, захрипел. И наконец-то окончательно затих.

– О-о-ой... – выдавила наконец-то Йорка. На самом деле так медленно тянула или для меня все ускорилось в разы? От неожиданности... Схватившись за дубину обеими руками, ровно и сильно потянул, левый локоть пискнул, пришлось разжать пальцы больной руки. Но стащить труп в сторону удалось.

– Встать! – рывкнул на застывшего тяжело дышащего зомби. – Йорка! Гоблин! Очнись!

– Да!

– Помоги Баску в себя прийти! Трать всю воду – смывай с него кровь! Чтобы ни пятнышка! Футболку не трогай – она черная. Если пятна на светлом – в рюкзак! Пусть хоть голый идет, но чистый! И сама не вляпайся! Живо! Живо!

Отмерла, зашевелилась. Я же, кинув быстрый взгляд на магистральный, бросил труп, подскочил к выходу из закутка, глянул по сторонам, на потолок. Ближайшие – трое орков, шагающих по дальней стороне коридора. Полусфера? Ох ты ж... бегом, гоблин, бегом! Полу-

сфера метрах в ста с небольшим и быстро приближается. Нырнув обратно, промчался мимо Йорки, льющей на лицо и шею Баска воду, рыкнул:

– Тащитесь оба на скамейку! Сейчас! Йорка! Сначала сотри набрызганное!

Сам, охнув от болевой вспышки в пояснице, вздернул мужика на скамейку, уложил лицом к стене, поднял ноги. Вырвал дубину, наскоро вытерев, повесил на пояс. Согнул труп ноги, силой заставил его принять форму эмбриона – ширина скамьи позволяет. Схватив шатающегося будто пьяного Баска, развернул, усадил рядом с собой. Йорка плюхнулась с другой стороны. Цапнул Баска за лицо, глянул, чертыхнулся – из пустой глазницы вылилась струйка крови. Как он, млять, умудрился чужую кровь себе в глазницу налить?! Вытер своей футболкой. Черный цвет одежды – наш выбор. Еще раз глянув назад, убедился, что согнутый труп хорошо скрыт нашими спинами.

– Сидим! Сидим и выглядим безмятежно! Йорка! Лицо проще!

– Так неожиданно...

– Копайся в поясной сумке! Баск, сними рюкзак, ройся в нем.

Сам занялся запихиванием шизы в бутылку.

А вот и полусфера... едва-едва уложились... едет мимо... Резко остановилась. Секунда... и монорельсовый глаз умчался дальше. Я тут же ожил, поднял своих, толкнул к выходу, сам охлопал труп, снял поясную сумку, шило, бутылку с водой, сорвал с шеи платок и прикрыл им пробитую голову. Под платком на шее слева обнаружилась татуировка и достаточно крупная. Растянул кожу, расправляя рисунок, секунды хватило для запоминания. Догнав бойцов, подтолкнул их, погнал вперед, цедя на ходу:

– Шагаем ровно. Головами по сторонам не ворочаем. Идем напрямиком к месту, где ночевали. Баск!

Тишина...

– Баск!

– Да, командир. Ох... прости!

– Заткнись!

– Понял.

– Сначала обедаем брикетами. А затем сразу же угощаешь нас с Йоркой жареным мясными костями. И каждому по стопке самогона! Понял почему?

– Я угощу!

– Понял, почему?!

– Убил?

– Нет! Потому что поддался эмоциям. Сработал грубо, дело пришлось мне заканчивать. Ты не подумал о путях отхода, о свидетелях, о полусферах наблюдения. И нам пришлось за тобой подчищать. Вот почему ты сегодня проставляешься.

– Спасибо!

– Йорка! А ты сегодня в обед угощаешь витаминными таблетками АСКО-2. Такие везде продаются. По солу за штуку. Поняла, почему?

– Э...

– Потому что опять впала в ступор! – рявкнул я, не скрывая злости. – Гоблин! Сначала действуешь – потом впадаешь в ступор, если уж так сильно хочется. Поняла?

– Да не ступор! Я понять не могла, что делать, лопнуть и сдохнуть! – взорвалась Йорка и с размаха долбанула зомби в плечо. – Вот! Я тебя тоже ударила! Пырнешь?! Я понять не могла, кому помочь!

– В смысле, не могла? – зло глянул я на нее. – Запомни раз и навсегда – помогать надо своим! Всегда! Ты ведь в курсе, что Баск адекватен, безумной жажды убийства раньше не проявлял. Стало быть – есть веская причина. Верно, Баск?

– Да... – парень поднял руку, указал на пустую глазницу, на изуродованное лицо. – Он.

– Вот видишь, – удовлетворенно заметил я Йорке. – Вполне весомая причина. Слушай сюда, зомби. Раз в твоей вендетте приходится участвовать и нам – расскажешь все подробно. Сейчас же. Парень, тобой убитый, не одиночка. И, стало быть, сначала станут искать его, а потом и его убийцу. Так что за обедом жду от тебя еще одну длинную историю.

– Все расскажу, командир. Спасибо! Огромное спасибо!

– Шевели ногами, убийца слепошарый – вздохнул я, коротко оглядываясь назад. – Быстрей бы свалить с магистралки на тропку поуже. Йорка. Ты чего делаешь?

– Кровь из-под ногтей выковыриваю!

– Правильно. – кивнул я. – Действуй в том же духе. Нам лишние улики не нужны.

Текущее время: 15:09.

Баланс: 23.

Задание выполнено. Интересно мы патрулируем, блин, – попутно убивая и обирая улыбочивых орков...

Первые десять минут буквально затылком ощущал очередное приближение одной из полусфер. Но через пять минут расслабился. Вытащил из подмышки чужую поясную сумку, убрал в рюкзак. Все. В очередной раз обошлось без свидетелей. Теперь многое зависит от того, когда, как и кто обнаружит труп. Хотел бросить рядом с ним испачканное в крови шило и пару мелочей из поясной сумки, стащить с трупа штаны, бросить весь это хлам на пол – как приманку. Чтобы система застала над трупом кого-нибудь с окровавленным шилом в руке. Пусть потом доказывает, что он не при делах.

Но поступать так не стал. Тут не угадаешь кто вляпается в ловушку. Может, конченный подонок, заслуживающий отсечения рук. А может, обычный зомби, не сумевший сегодня заработать на еду и увидевший бесхозную футболку на полу.

Но шаг сбавлять не стал. А через полчаса мы нырнули в боковой коридор. Я назвал номер и оживившийся Баск, радуясь возвращению на известные территории, тут же сказал куда свернуть, чтобы быстрее оказаться в Веселом Плуксе.

Проверил интерфейс и с облегчением вздохнул – никаких заданий пока нет. Удачно. Одного взгляда на лицо Баска достаточно, чтобы понять – ему срочно надо дерябнуть грамм сто самогона. Тогда отпустит...

Хлопнув стопку, Баск замер с запрокинутым лицом. Глянув на обгладывающую кости Йорку, выпил половину стопки, оставив емкость. Зомби протянул руку, безошибочно поймал стопку в пальцы и допил остатки самогона. Молодец – по стуку стопки понял, что в ней еще что-то осталось. Как это вообще возможно?

С частым пофыркиванием Йорка усталилась на мою тарелку, где сиротливо приткнулись друг к дружке пять жареных плуковых ребер.

– Как в царстве животных, блин! – пробурчал я, пододвигая тарелку девушке. – Словами нельзя?

Тарелку забрали, вытряхнули содержимое на свою, после чего мою посудину облизали и вернули. Блестит! Можно не мыть! Девушка! Заберите чистую посуду!

Массируя левый локоть, оперся о стену. Оглядываться нужды не было. Я сидел так, чтобы видеть вход, а если чуть скосить глаза – то и проход в служебные помещения. А он отгорожен пластиковыми и металлическими щитами. Сверху лаконичная надпись «Кухня». Слева от проема еще лаконичней «Посторонним!»

Вот вроде не понятно – но ведь понятно! Так и живем...

Убедившись, что зомби закончил самогонное медитирование, постучал пальцем по столу, привлекая его внимание.

– Уважаемая нежить. Пора бы исповедоваться. Люблю в подчиненных бесноватых убийц и кровавых психопатов. Но и захватывающие трагичные истории тоже люблю. Рассказывай. Подробно. Если деталь кажется несущественной – все равно рассказывай.

– Да что рассказывать-то? – вздохнул Баск. – Коротко и грустно.

– Прямо как я люблю. – подбодрил я. – Начинай, а я закажу еще три... Йорка ты огненную воду будешь?

– Самогон? Нет! Мясо буду! Именно косточки. Чтобы именно грызть...

– Вот и ты меня пугать начала. – вздохнул я. – Баск отдай ей ребра. Пусть грызет. А нам попрошу-ка я еще по стопочке, что скажешь?

– Выпью!

Жестом показав требуемой понятливо кивнувшей официантке, чуть отодвинулся от хлюпающей и чавкающей Йорки. Чтобы не забрызгало. Что за жизнь? День не могу походить в чистой одежде – вечно заляпаюсь. И почти всегда это кровь. Я уже скучаю по серой жиже.

– Только факты? – уточнил слепой зомби.

– Только факты. – подтвердил я, борясь с желанием проверить интерфейс. Становлюсь интерфейсовозависимым...

– Нас было двое. – начал Баск как-то сразу, без обычного для истории начала. – Я и Шток. Не назвал бы нас друзьями. Да и группы не было. Но после ежедневных заданий часто тусовались вместе в семнадцатой кляксе. Иногда бурлачили. Я старался накопить как можно больше денег. Шток – он всегда жил одним днем. Предпочитал жить весело и не думать о завтра. Может и правильно... раньше я старался планировать, а сейчас... может и стоило отрываться по полной... Но речь о другом. Один раз помогли бригаде Ржавые перетащить пару тяжелых штук, а затем отмыть их. Отблагодарили нас щедро. И Шток уговорил меня сходить повеселиться. Пошли, говорит, в жопу! Ну мы и сходили...

– Прости, – моргнул я, – куда вы сходили?

– Вроде бара. Заведение. Такое же как здесь, только дешевле. Неподалеку отсюда. Над входом нарисована задница, над ней написано «Жопа мира», прямо по ягодицам «Окраина», а снизу – «Добро пожаловать в реальность».

– Метко подметили. – восхитился я. – Хотя если верить той карте, что я увидел сегодня, Окраина все же не центр. Мы ягодица. Левая. А вот Дренажтаун... вот там центр...

– И там воняет! – прочавкала Йорка.

– Сходили вы... дальше что?

– Там и познакомились с этим... сегодня вы его видели.

– Кого мы на скамейку отдохнуть положили? – понизил я голос.

– Он. Имя Ладос. Веселый, компанейский. Я сам не заметил, как рассказал ему о себе все и даже больше. Он тоже болтал постоянно. Но о себе ни гу-гу – это я уже потом понял. Когда в голове своей тупой раз за разом тот вечер прокручивал. Каждую секунду, каждое слово. Все пытался понять – мог ли я тогда уловить что-то неладное. Понять, что нам со Штоком готовят страшное.

– Но не уловил.

– Не уловил. И знаю, почему.

– И почему же?

– Сука Ева!

Йорка чуть не подавилась костью. Я удивленно приподнял бровь. Уже привык к спокойствию и внешнему равнодушию зомби. А тут столько ярости...

– Красивая? – предположил.

– Мягко сказано, – невесело усмехнулся Баск. – Могу тебя в этом заверить! И знаешь, почему я так уверен, что эта сука красива?

– Даже гадать не возьмусь.

– Потому что ее лицо – последнее, что я увидел за миг до того, как ослепнуть! Как только пытаюсь вспомнить – каково это видеть мир? – вижу ее сучье лицо!

Бам! Ладонь по столу. Стук... и на низкий пластиковый стол опустились две стопки самогона. Р-раз! И одна стопка уже пуста, проглотивший горлодер зомби с рычанием мотает головой. Рядом опять урчит вернувшаяся к еде Йорка. Чувствую себя выпавшим из компании гоблинов и зомби. Может, тоже что-то этакое сделать? Рыгнуть, бросить посуду на пол – вполне в духе гоблинов.

– Но я поторопился. Отмотаю назад. Мы сидели в Жопе с семи до полуночи. В полночь она и явилась – гребанный суккуб! Облегающие шортики так коротки, что... к-хм...

– Продолжай. – поощрил я, отпивая из своей стопки и полоская самогоном рот.

Дезинфекция. В душе зубную щетку и пасту не предлагают. А купить забываю. Хотя у большинства здешних гоблинов оскал даже не желтый, а буро-черный, цвета сгнившей коры или круто заваренного чая. Ходят, скалятся...

– Топик, шортики, блондинка с густыми волосами до пояса, грудь, попка... все при ней, короче. Вы не подумайте – на нее все смотрели. И я тоже. Но как... смотрел и понимал – у меня и шанса нет. У ней крупными буквами на лице написано было, что самой сексуальной частью мужика она считает размер его баланса. А мы орки с мечтами перекраситься в полуросликов. А вот Шток... он уже хорошо выпил. И ему прямо крышу снесло от Евы. Она на него разок глянет... Говорю же – суккуб. Я сразу так подумал. Хотя лучше про девушек такое не говорить – нехило отхватить можно.

– Почему?

– Суккубами или сукками в Дренажтауне платных девочек называют. – утерев рот, пояснила Йорка. – Класс. Я сыта...

Сыта она. Как же. По сути ничего и не съела. Просто сам вкус и аромат жареного мяса...

– Проститутки? – уточнил я.

– Точно.

– И называют их суккубами или сукками? Я верно понял?

– В точку. Мы были гоблинами, стали орками. Теперь боевые орки. А они – сукки, суккубы. Это про девочек. Платные парни – инкубы.

– Инкубы и суккубы. – хмыкнул я. – Потрясающе. Зато понятно. Идем дальше по истории. Эта Ева – она сукка?

– Да вроде нет. Просто одета так... ну ты понимаешь... Ей и с руками-ногами повезло исключительно – прямо как родные. Ножки, руки – все в тему.

– Ясно. Давай дальше.

– Еще выпьем?

– Плохо тебе не станет?

– Да я трезв.

– Вижу. – согласился я.

Он убил. Возможно, в первый раз. В таких случаях алкоголь часто пасует и почти не действует на организм свежееиспеченного мокрушника.

– Я плачу. – добавил зомби.

– Заказывай. – разрешил я. – Залпом не пей. Цеди по глоточку пятиграммовому. Тогда точно подействует. Я закажу. А ты рассказывай.

– Шток глаз от нее не отводит. А она вопросы того козла Ладоса повторяет. Сколько, мол, зарабатываем, удалось ли что отложить, как с личными вещами. И все это с такими шуточками и милыми улыбками, что даже не задумываешься о том, что незнакомой девушке рассказываешь свои планы, называешь накопленную сумму... Я язык чуть прикусил. А Шток поет заливается, солы тратит, баланс до нуля опустил. Я вовремя язык прикусил и сказал, что денег нет. В голове шумит. Пора по капсулам и спать. А эта тварь и говорит – а давайте погуляем

по ночной Украине. Подышим свежим воздухом... я сказать ничего не успел – а Шток уже кивает. Она разливает остатки, поднимает тост. Знаешь, какой тост? Не угадаешь!

– Какой?

– За роковое знакомство! И представь – мы выпили! Поулыбались! Я еще подумал – что за тупой тост? А потом решил, что пытается казаться загадочной. Ну или уже пьяная. Выпили, встали, вышли, всех шатает – меня и Штока по-настоящему, а эти, как я уже потом понял, больше притворялись.

Баск понурил голову, сжал кулаки, заново переживая прошлое. Подошедшей официантке кивнул на стопки и жестом показал, как ем ложкой из тарелки, вопросительно глянул. Девушка кивнула и показала семь пальцев. Согласно опустил веки, жестом попросил принести. Две стопки самогона и тарелка горячего супа. Или просто бульона – тоже сгодится.

– Я Штока сумел в сторону оттащить. Говорю ему – хватит. А он меня обнимает и на ухо шепчет: «Братан! Это любоф-ф-фь». Отталкивает и к ним. Ну и я следом – не бросать же. Идем, а мне все хуже, в голове шумит. Блевать пока не тянет, но вот прямо нехорошо. Странно нехорошо. Решил приходить в себя. Они топают по коридорам, все как в тумане, хохочут, Шток с Евой уже в обнимку, а Ладос вроде и не против, улыбается, показывает ему большой палец, подмигивает мне, тихо показывая на них – вон, мол, как парню повезло. Похоже, не один ночью спать будет. Да еще и с такой девочкой – он даже пальцы себе целовал, чтобы показать «какая это девочка». Я киваю как болванчик. А мне все хуже. Вялость странная. Так я бутылку с водой открыл, в кармане поясной сумки порылся и давай в бутылку таблетки пихать. Шиза, энергетики, кофеин с витамином С. Все туда запихнул. Поболтал, газ выпустил и иду пью потихоньку. А мы все идем и идем. В то время я коридоры особо не знал – зачем учить схему, если на стенах указатели? Поэтому даже не насторожился – а ведь мы свернули на те тропки, что ведут к тридцатому магистральному. Коктейль свой бодрящий я допил. И что интересно, – «глянул» на меня Баск, уставившись пустой глазницей, – я уже допивал, чувствую себя чуть лучше, и тут она – сука Ева – как обернется! Будто почувствовала что-то. И на бутылку – зырк! Губы улыбаются, а глаза нет. Смотрит пристально и спрашивает – а что ты пьешь и чего не делишься?

Прервавшись, зомби чуть помолчал, отхлебнул из освеженной стопки и продолжил:

– Меня будто за язык кто-то схватил. Не дал сказать правду. Шизу, мол, пью, сказал. И раз – допил последний глоток. А бутылку выкинул. Она при-и-истально так на меня поглядела и снова Штоку голову на плечо положила. У того аж ноги подогнулись. Она ему что-то шепнула. Он поворачивается, на меня смотрит – и глаза у него бешеные! Злобные! Что она ему такое шепнула? Может, сказала, что я на ее задницу пялился? И он заревновал? Так я и, правда, пялился... Проходим мы еще одним коридором, и тут я вижу – Штока шатает люто. Он прямо идти не может! К нему, с другой стороны, тут же Ладос подскакивает – да так заученно, словно каждый день бухих таскает. И на меня посматривают – даже с удивлением. И меня опять будто кто-то в бок толкнул. И пошел я мотаться, за стены хватаюсь, в ногах заплетаюсь. Но все равно туплю! Все равно продолжаю идти! И в голове – вот поверь, Оди! – ни единой реально страшной мысли. Мне неохота идти, мне лень, хочу спать, злюсь на Штока и немного ему завидую. Все смешалось. А страха и понимания «тут что-то сильно не так» – этого нет и в помине.

Баск отпил еще самогона. Я пододвинул к нему тарелку с принесенным супом – простой бульон с парой кусочков мяса и костью. Пахнет вкусно.

Взяв ложку, зомби принялся машинально есть. Похоже, он даже вкуса не чувствовал, настолько был поглощен воспоминаниями.

– Проходим последние шагов сто, коридор кончается – и я понимаю, где мы. Гиблый Мост! Вот куда вышли. Да там никто никогда не гуляет! Рядом Зловонка, внизу Стылая Клоака. Столько страшилок про эти места! А Ладос и говорит – глянем вниз? С края каньона? Я шаг назад, оглядываюсь, говорю – пошли отсюда, ребят. Обалдели? Это же Гиблый Мост. Уходим!

А она губы надула и Штоку обиженно так – ну вот, твой друг портит все веселье. Не люблю унылых компаний. Или все делаем вместе – или я пошла. Штоку как шилом под зад дали – на меня навалился, еле бормочет, подмигивает, икает, головой на каньон мотает. Ты мне, мол, не друг, что ли? Разок глянем – и назад пойдём. Они, мол, обещали дальше за свой счет нас угостить. Каким-то особым когтерезом. Крепкая, видать, штука. Похлеще самогона. И я поддался... я пошел к этому сраному каньону. Чтобы посмотреть с края вниз. До края шага три осталось. Но тут она нас под руки подхватывает и мурлычет – погодите, мол, посмотрите на мост. Там кто-то идет? Мы, кретины, послушно останавливаемся, пялимся на пустой мост. А она смотрит вверх – я краем глаза вижу. Тоже туда лицо дергаю. А там полусфера медленно поворачивается. Ты видел ту полусферу?

– Большая. Криво висит. – киваю я, вызывая в памяти отчетливую картинку огромной старой полусферы наблюдения, висящей над каньоном.

– Я потом уже узнал – у нее одна сторона «слепая».

– Вот как...

– А она знала. И просто ждала, когда мы выпадём из видимости системы. Тогда все и случилось. Что меня спасло? Шток упал. Просто отключился. И рухнул. А я попытался его удержать, но упал вместе с ним. На спину рухнул, а надо мной – ш-шух! – дубина просвистела. Я ахнул! А Ладос снова замахивается! Я в сторону! Дубина по животу Штока. Он стонет. А я на четвереньках бегу. И тут пинок по ребрам. Ору. Падаю и качусь. Тело работает само. Встаю и бегу. И убегаю! Шагов на десять убежал. И тут вспомнил – Шток! Поворачиваюсь, а Ладос его вниз сталкивает. Ева идет ко мне, ее рука в рюкзаке с плеч снятом. Красный такой рюкзак с черным длинным языком на клапане. Я хотел мимо пробежать, оттолкнуть Ладоса, поднять Штока – и прочь! А она рюкзак с руки стряхивает небрежно так – и я вижу у ней в ладони страшную такую хреновину. Два когтя на палке. Что-то вроде тонкой дубины, но с когтями. Ей она меня и деранула по лицу. Умело так. И эти ее бешеные глаза, когда она была... и все. Это было последнее, что я увидел в жизни – ее лицо и тень хлестнувшей по лицу когтистой штуки. Боль! Упал! За лицо хватаюсь – палец в глаз проваливается! Я как заору, как вскочу и побегу... а мне вслед крик Ладоса: «Ева! Стой! Мать сейчас увидит! Пусть уходит! Тащим этого под мост!» А я бегу. И на полном ходу в стену. Головой. Оглушенный падаю, опять вскакиваю, упираясь плечом в стену и скольжу по ней пока не «проваливаюсь» в тридцатый. По нему уже и побежал – также по стене скользя плечом. А Шток... его утащили вниз. Вот такая вот тупая история.

Зомби допил самогон, спешно дохлебал суп и, оставив пустую посуду, вздохнул:

– Так я ослеп. И поделом. Сам виноват. Ладос же... через пару дней он ко мне подошел. Я на стенном выступе лежал с башкой замотанной и заклеенной. Попытался сообразить, как дальше жить. А он бесшумно подошел – раньше я прислушиваться еще не умел, не мониторил звуки вокруг – и шепчет мне на ухо: «Ну ты сучара и везунчик! Теперь живи и бойся. Каждый день бойся. Мы тебя все равно рано или поздно достанем. И утащим. На котлеты... – клянусь, он так и сказал – на котлеты... И добавил: – Хочешь пожить еще хоть немного – молчи! Молчи!» Потом он ушел. До этого я думал – надо как-то быстро сдохнуть, без глаз жизни нет. А после его слов все поменялось. Я решил – не сдохну! Выживу! Скоплю денег, найду способ починить глаза – хотя бы один. И когда-нибудь убью этого ублюдка! А затем ту суку! Начал учиться жить заново. Как ходить, как ориентироваться, как прислушиваться и как терпеть, постоянно терпеть издевательства. И как постоянно ждать удара от подкравшегося Ладоса или суки Евы. Может, поэтому я так быстро освоился и обучился – потому что все время ждал удара. Но что смешно – он со мной поговорил, погрозил... и пропал. Это случилось полгода назад. И вот сегодня он только появился – да вы сами видели...

– Видели. – подтвердил я.

– Видели. – согласилась Йорка.

– Ясно. – подытожил я. – Бодрая такая история. Ладоса в минус. Поздравляю – одного кровника ты грохнул. Осталось прикончить суку Еву. И я тебе в этом помогу. А пока давайте посмотрим, что сученыш Ладос таскал в своей поясной сумке...

Я выложил на стол трофейную сумку и принялся ее осматривать. Внешне ничем не примечательная. Открыть не успел – зомби дернулся, ладони с треском ударили по столу.

– Забыл кое-что еще! Голос! Третий голос!

– Поясни-ка. – сумку я пока отложил. Успеем.

– Когда я вскочил и побежал, когда Ладос орал «Ева! Стой! Мать сейчас увидит!..», тогда же, за пару секунд до того, как приложился головой о стену, был еще один голос! Хриплый такой, властный. И шел он снизу – из-под моста. Голос кричал: «Живей! Тащите мясо сюда!» Мясо! Мне этот момент потом в кошмарах снился – и в них мне убежать не удалось. В них эти твари тащат меня вниз и уносят в туман. А из тумана голос: «Мясо! Тащите мясо сюда!»

– Вот и еще один из коды похитителей нарисовался. – подытожил я. – Причем на дело он сам не ходит. У Ладоса на шее была татуировка. Под шейным платком. Там целая композиция. Довольно красиво выбит рисунок Гнилого Моста, над ним кривая полусфера наблюдения, а под мостом – силуэт крупного мужика, с раскинутыми руками. Мужик как бы стоит на надписи: «Мясо и Свобода!» Можно, конечно, подумать, что это абстракция такая... но отнесемся проще – на татухе изображен босс. Портрет шестерки или рядового на шее никто накалывать не станет. Там самое место боссу. Его голос ты, скорей всего, и слышал. И отсюда интересный вопрос, гоблины и зомби – как долго сказка длится будет?

Увидев непонимающий взгляд Йорки и наклоненную голову Баска, пояснил:

– Сказочные расы и классы продолжают править балом. Зомби, гоблины, орки, полурослики, суккубы, инкубы, а теперь добрались до настоящей классики – до тролля.

Тишина...

– Троль. – повторил я. – Страшный сказочный великан, живущий под мостом и взимающий плату за проход по нему. Похититель, людоед, злодей. Под твое описание подходит идеально.

– Звучит мерзко и страшно. – кивнула напарница. – Так и будем его называть.

– Ни в коем случае. – не согласился я. – Никак не будем его называть. Если я провел такую аналогию – троль под мостом – то и другой сможет. Услышит нас кто-то знающий о делах вокруг и под мостом – и поймет, о чем шепчемся и бормочем. Что-нибудь еще, Баск?

– Нет. Просто еще раз спасибо, Оди.

– Потом поблагодаришь. Когда найдем ту красивую блондинку Еву и поговорим с ней о мясе, глазах и сучьем поведении. Теперь сумка...

Откинув клапан, заглянул внутрь. Сразу стало ясно – это не предмет личного обихода. Сумка вообще не принадлежала сдохшему Ладосу. Ведь вряд ли даже конченные злодеи и упыри забивают такой кошелек одними лишь плотными столбиками средней величины серых таблеток. И больше ничем. Показал содержимое Йорке, та зашептала на ухо Баску, пока я убирал сумку в рюкзак. Задумчиво постучав пальцами по столу, хмыкнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.